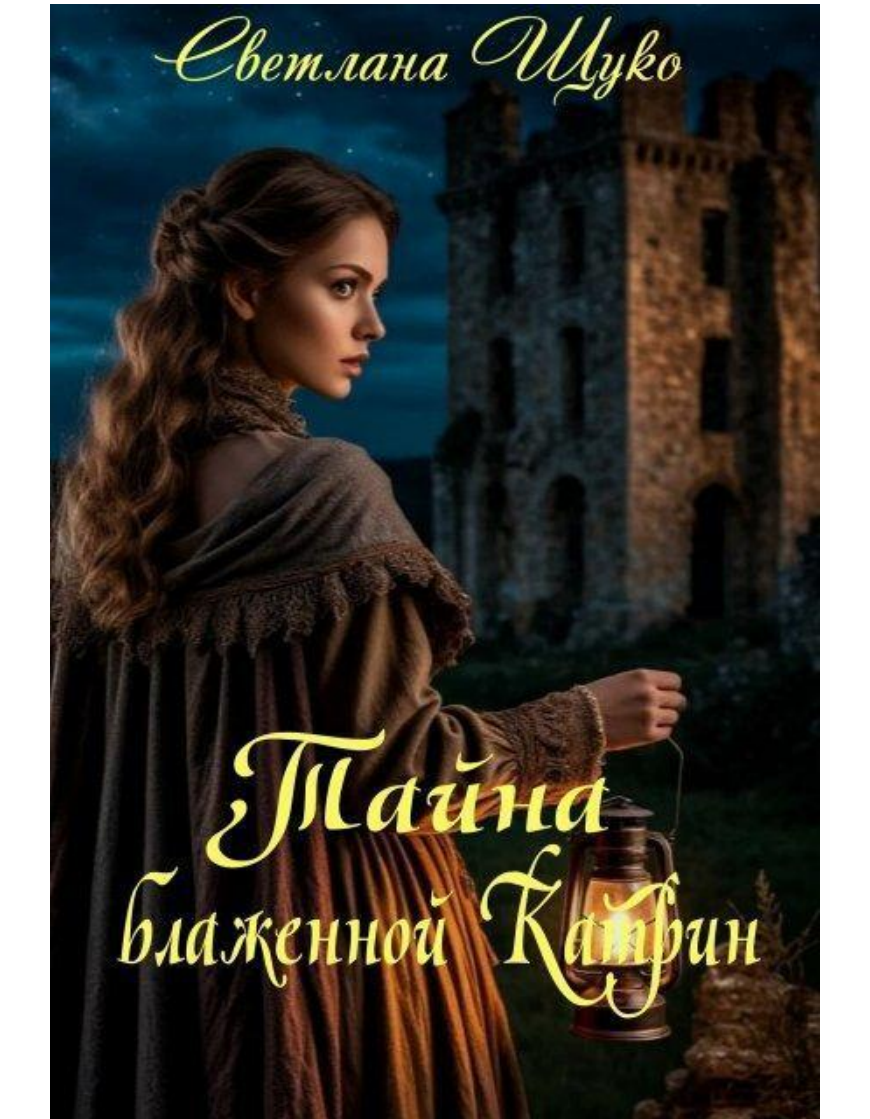

Светлана Муко

Майна
блаженной Катрин

Светлана Щуко

Тайна блаженной Катрин.

<https://litres.ru/74208034>

Аннотация

Кто мог бы предположить, что моё долгожданное путешествие в провинцию Пуату на западе Франции, о котором я мечтала почти с самого детства, станет для меня судьбоносным? Вместо того чтобы стать пластическим хирургом в престижной клинике моего отца, я оказалась баронессой де Сансе, лишённой всех прав, и, что самое ужасное, я, Екатерина Тихомирова, с огромными перспективами на будущее, теперь имею при всех моих многочисленных талантах ранее... всего лишь слабоумие.

* Нас ждёт: *Попаданка в мир без магии...Ну почти))) *Быт и прогрессорство *Интриги и любовь. ♥️#

Содержание

1	4
2	24
3	42
4	60
5	77
6	95
7	113
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Прекрасная женщина с густыми каштановыми волосами лежит неподвижно в пышном старинном платье. Её декольте разорвано, а юбки высоко задёрнуты. Она смотрит в бескрайнее голубое небо остекленевшими зелёными глазами. По её тонкой мраморной шее стекает алая струйка. Вокруг — страшные мужчины, ругающиеся и кричащие. У одного из них — маленькая девочка. Она больше не кричит, только сжимает футляр от скрипки с такой силой, что костяшки её пальцев побелели. Её глаза, не моргая, смотрят прямо на меня, а губы шепчут что-то неразборчивое. Я пытаюсь разобрать слова, но они тонут в гуле страха. Девочка приближается ко мне, и я чувствую, как её пустота, безразличие и отчаяние затягивают меня, как водоворот.

Я кричу, но это лишь крик в моём сне. Я просыпаюсь, тяжело дыша, в холодном поту. Бабушка сидит рядом, её ласковый голос звучит как спасительный маяк. Она обнимает меня, шепчет: «Тихо, тихо, Катенька, это всего лишь сон». Её тёплые руки и мягкое покачивание возвращают меня в реальность. Но я знаю, что этот сон останется со мной, будет возвращаться снова и снова, как тень из прошлого, которое я не могу забыть...

Моя стажировка во Франции подходила к развязке. Сегодня я должна была осуществить давнюю мечту — посетить старинное поместье, где, по семейному преданию, жили мои предки по материнской линии. Воспоминания о них, запечатлённые в рассказах бабушки, всегда вызывали трепет. Я взглянула на золотое кольцо с красным камнем, инкрустированным миниатюрным паучком. Оно сверкнуло в солнечных лучах, будто напоминая о важности предстоящего путешествия. Прижав руку к груди, я закрыла глаза, позволяя себе на мгновение раствориться в мыслях.

Это кольцо бабушка передала мне незадолго до своей смерти. Она взяла с меня слово, что я сохраню его и передам своей внучке, а также расскажу все истории, связанные с семейной реликвией. Эти истории, наполненные тайнами и легендами, были для меня не просто рассказами, а мостом к прошлому, к корням, которые я всегда ощущала, но никогда не видела.

Сейчас, спустя годы, я находилась всего в нескольких часах езды от поместья, о котором слышала с детства. Оно было окутано мистикой, словно древняя крепость, хранящая в своих стенах множество секретов. Я чувствовала, что это место станет для меня не только символом наследия, но и источником вдохновения.

Внезапно в дверь постучали. Горничная в светло-серой форме с белым кружевным передничком, приветливо улыбаясь, сообщила, что такси ждёт меня. Я поднялась с кресла,

чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

- Спасибо, Мадлен, — я ей улыбнулась в ответ и, подхватив свою сумочку, направилась к выходу.

- Мадмуазель Катрин, я могу убраться в вашем номере, пока вы будете отсутствовать.

- Спасибо, я тебе буду очень признательна. - Я помахала ей рукой и вприпрыжку помчалась по лестнице вниз.

В гостиной я встретила хозяйку пансиона — приятную, полноватую пожилую женщину. Я арендовала у неё комнату на время стажировки.

— Ах, дорогая, куда же ты так спешишь, даже не позавтракав? — Мадам Бено с нежностью взяла меня за руку.

— Доброе утро, мадам! Я бы с радостью поболтала с вами и позавтракала вашими восхитительными булочками, но, к сожалению, меня уже ждёт такси. — И, заметив разочарование в её глазах, добавила: — Я хочу поехать на экскурсию по местам моих предков в провинцию Пуату.

— И как же фамилия твоих предков, дорогая? -удивлённо спросила она.

- Де Сансе., - ответила я.

— А мы ведь вам говорили, дорогая Клотильда, что малышка Катрин — благородного происхождения. — К нам присоединилась пожилая пара, месье и мадам Гюлен. — Она такая красавица! — с восхищением в голосе воскликнули

они одновременно, окинув меня доброжелательными взглядами.

— Прошу прощения, но мне действительно нужно идти. Я остановлюсь в местной гостинице, а завтра привезу вам фотографии и подробно расскажу обо всём, что видела и где побывала. Обещаю! — Я сложила руки в умоляющем жесте и очаровательно всем улыбнулась.

— Ну что ж, дорогая, беги, беги. «С нетерпением буду ждать твоего подробного рассказа о поездке завтра», — сказала мадам Бено, шутливо погрозив мне пальцем.

— Всенепременно, мадам! — выкрикнула я, выбегая из дома. Я была очень рада, что мне удалось так быстро уйти от этих разговорчивых, но в то же время таких милых и приятных стариков.

В переулке, неподалёку от парадного входа в здание пансиона, меня ожидало такси. Поприветствовав водителя взмахом руки, я поспешила к автомобилю.

— Мадемуазель, вы заказывали такси до Пуату? — спросил водитель, обращаясь ко мне на ломаном французском. Он был похож на индуса, а его голову украшал тюрбан жёлтого цвета.

— Да, мерси, — ответила ему я, улыбнувшись, открыла дверь и расположилась на заднем сиденье машины.

Водитель ввёл маршрут в навигационную систему, и мы тронулись в путь. Проехав по старинным мощеным улочкам,

украшенным цветочными горшками, мы выехали на главную магистраль и влились в поток автомобилей, которые беспрерывно гудели и куда-то спешили.

Я поморщилась, надела наушники и, включив музыку погромче, стараясь заглушить ритмы современного мира, расслабившись, прикрыла глаза.

Меня часто называют старомодной и несовременной, и я не отрицаю этого. Мне чужды ночные клубы, фастфуд и популярная музыка. Вместо этого я выбираю уединение в своём загородном доме, где наслаждаюсь домашней едой и выращиваю цветы.

В свои 29 лет я уже обладаю двумя высшими медицинскими образованиями и свободно говорю на французском. Кроме того, я играю на скрипке, что позволяет мне находить гармонию в музыке.

Особое место в моём сердце занимают лошади. Эти величественные создания обладают удивительной преданностью и красотой, которую трудно найти в других животных.

Мои родители, известные хирурги, основали престижную клинику пластической хирургии в Москве. Десять лет назад они начали работу над филиалом в Краснодаре, и теперь я стою на пороге важной миссии — возглавить этот филиал после стажировки в Париже.

Моя жизнь — это баланс между традициями и амбициями, между спокойствием природы и профессиональными вызовами.

Я никогда не стремилась стать хирургом, но родители были непреклонны: врач — это долг, судьба, призвание. Их настойчивость победила мои сомнения, и я поступила на медицинский факультет, избрав специализацию дерматолога. Родители видели во мне продолжательницу их дела, но я чувствовала, что иду по пути, который мне не принадлежит.

Когда появилась возможность открыть клинику пластической хирургии в Краснодаре, они уговорили меня отправиться учиться во Францию. Я согласилась, надеясь, что это поможет мне найти себя.

На втором курсе случилась трагедия: умерла бабушка. Я не могла описать своё состояние — это была пустота, потеря реальности, безмолвное горе. Бабушка была не просто близким человеком, она была моей опорой, моим проводником в мире. В детстве, когда родители были заняты карьерой, она заменила мне и мать, и отца. Благодаря ей я овладела французским языком, окончила музыкальную школу с отличием по классу скрипки и научилась видеть красоту в окружающем мире.

Её смерть стала для меня ударом, от которого я так и не оправилась полностью. Прошло больше трёх лет, но боль не утихала. Я смотрела на мир сквозь призму этой утраты, и каждый день напоминал мне о ней.

Я сидела, погружённая в свои мысли. Водитель, пытался привлечь моё внимание. Я заметила это только тогда, когда он почти закричал. Вынув беспроводной наушник, я изви-

нилась за то, что не слышала его.

— Пробка, мадмуазель, авария, — сказал он мне.

Мы находились на старинной улочке, по обеим сторонам которой возвышались каменные стены, увитые плетями алых роз. Впереди же простирался древний каменный мост, перекинутый через реку, а с другой стороны моста стояли две машины, полностью перекрыв проезд. Позади них собралось где-то с десятков машин, и небольшая толпа людей что-то возбуждённо обсуждала.

 — Пойду узнаю, что там, надолго ли? — водитель недовольно покачал головой и, ругаясь на незнакомом мне языке, вышел из машины.

Я кинула взгляд на приборную панель автомобиля — навигатор показывал, до прибытия в пункт назначения оставалось пятнадцать минут. Открыв карту в телефоне, рассмотрела местность, если перейти мост и пройти напрямик через небольшой лес, то можно будет сократить путь вдвое, я проложила пеший маршрут, двадцать минут, и я на месте.

— Мадмуазель, это надолго, жандармов ждут, — сказал вернувшийся водитель, ещё более недовольный.

— Я пешком пойду прогуляюсь, здесь недалеко, спасибо вам, месье. — Протянула оплату таксисту. Мужчина замер, уставившись на мою руку, и через мгновение решительным движением отвёл её в сторону и с восхищением в голосе сказал: «Мадмуазель, это такая честь — находиться рядом с переселенкой. Счастливого путешествия вам, мадмуазель, и

лёгкой дороги на вашем пути».

Я растерянно заморгала и решила поскорее уйти от странного индуса. Бросив ему короткое «спасибо», я быстро направилась к мосту, не оглядываясь.

Перейдя на противоположный берег, я спустилась к реке и, следуя по мощёной тропинке, не спеша направилась в сторону леса, наслаждаясь живописными видами.

Дубовая роща, раскинувшаяся передо мной, напоминала скорее парковую зону. Здесь и там виднелись изящные скамейки и клумбы, украшенные великолепными эустомами. Вокруг царили порядок и чистота.

Чем ближе я приближалась к своей цели, тем сильнее билось моё сердце. Сквозь густую листву деревьев уже можно было различить очертания башен замка, и я в предвкушении ускорила свой шаг.

Выйдя на подъездную аллею, я замерла: вся ближайшая территория замка была ограждена сигнальной лентой, а за ней сновали рабочие в ярко-жёлтых жилетах. Парадная часть замка была заставлена строительными лесами. Большие таблички с надписями гласили, что замок и прилегающая к нему территория закрыты для посещения туристов, так как ведутся реставрационные работы.

— Нет, только не это, — в отчаянии простонала я, и на глаза навернулись слёзы.

Недалеко от меня из стоящего строительного вагончика вышли два парня.

— Месье! — закричала я и кинулась к ним. — Месье, подскажите, пожалуйста, как можно попасть внутрь замка? Я проделала сюда такой долгий путь и уже улетаю послезавтра, может, есть какая-то возможность, я заплачу. — Я в умоляющем жесте прижала руки к груди.

Парни окинули меня оценивающим взглядом.

— Мадмуазель туристка? — спросил меня один из них и одарил слащавой улыбкой.

- Да, месье, я из России и вернуться сюда опять смогу совсем нескоро. Пожалуйста, - опять взмолилась я.

Строители переглянулись, и тот же парень сказал: «Приходите, мадмуазель, вечером, всё начальство уедет, а у нас как раз дежурство сегодня на этом объекте, мы вам всё покажем и не только», — и он, пихнув своего товарища локтем, и громко рассмеялся. — И денег с вас никаких не возьмём, если согласитесь в уплату скрасить с нами вечерок за бутылочкой вина.

В огромном желании попасть в замок я совершенно не обратила внимания на двусмысленность его слов и с радостью согласилась. Мы договорились, что я подойду к девяти вечера сюда, и довольные друг другом распрощались.

Время тянулось невыносимо долго, я успела осмотреть все местные достопримечательности, а также дважды посетить кафе. Однако, не в силах более выносить ожидание назначенного часа, я отправилась к замку, прибыв туда на час раньше оговоренного. На улице почти стемнело, редкие фо-

нари едва освещали окружающую территорию.

Несмотря на некоторые сомнения, вера в доброту и отзывчивость людей всегда была во мне сильна. Но я уже не была столь наивной, как в детстве, и, получив несколько болезненных уроков, я всё же усвоила некоторые жизненные истины.

Осмотрев внимательно безлюдную территорию, тихо подкралась к вагончику и, поднявшись на цыпочки, заглянула в небольшое окошко. Те же парни уже весьма навеселе сидели за столом и громко над чем-то смеялись, на полу валялось несколько пустых бутылок из-под вина.

— Жак, как ты думаешь, эта красотка придёт?

— Придёт, не сомневайся, была у меня одна русская, горячая штучка, но дура дурой, я ей лапшу на уши вешал, а она мне верила и в рот смотрела.

— И где она теперь, эта твоя горячая штучка?

— Где? — он взял полный вина пластмассовый стаканчик и залпом его осушил, обтёр рот ладонью и, зло посмотрев на своего собеседника, добавил: — Мачеха она теперь моя, вот где.

Второй парень покатился со смеху и, утирая слёзы, сказал: «Ну не такая она и дура оказалась, папаша-то твой денег тебя лишил благодаря ей, как я понимаю, теперь ты тут прозябаешь, а она в деньгах купается, а ты говоришь — дура».

— Ненавижу! — Жак со злостью ударил кулаком по столу, стол пошатнулся, и недопитая бутылка вина, опрокинув-

шись, покатила, оставляя за собой алую полоску напитка.

- Чёрт, Жак, чего творишь-то? - Парень успел подхватить бутылку, едва не упавшую на пол.

- Сам виноват, чего злиться-то теперь, сам говоришь, что лапшу ей на уши вешал. Бабы все такие, хитрые, ищут, где потеплее да помягче. Давай лучше ещё выпьем. - Он успокаивающе похлопал Жака по плечу и разлил остатки вина по стаканчикам.

— Вот я дура, припёрлась, почти тридцать лет, а ведусь, как малолетка, не нравится мне этот Жак, от такого типа можно ждать что угодно, надо уносить ноги, пока не поздно, — прошептала я и тихо отошла за угол вагончика.

Неожиданно за моей спиной раздалось злое рычание, я, оцепенев, повернула голову. В метре от меня стоял огромный дог с оскаленной мордой.

- Мамочки, - пискнула я и стала медленно пятиться. Скрипнула дверь вагончика, осветив темноту жёлтым светом.

- Марс, ко мне, — строго позвали собаку, и не успела я выдохнуть с облегчением, как кто-то крепко схватил меня за талию со спины и пьяным голосом Жака довольно сказал: «Попалась птичка».

Я от неожиданности испустила пронзительный вопль и попыталась высвободиться.

— Полно, полно, не суетись, мы тебе зла не желаем, всего лишь выпей с нами, как и договаривались, — произнёс он,

шумно и возбуждённо дыша мне в затылок, а его липкая рука скользнула мне под футболку.

— Жак, отпусти девчонку, — недовольный голос его напарника раздался возле нас.

- Луи, иди погуляй, пока мы с дамочкой тет-а-тет пообщаемся, - огрызнулся он и потащил меня к открытой двери.

- Жак, ты чего творишь, я в этом участвовать не собираюсь и тебе не дам, - выкрикнул возмущённо второй парень и схватил Жака за руку. Хватка ослабла, и я, вырвавшись, помчалась в сторону замка, намериваясь спрятаться за стоящими стройматериалами и бочками.

Позади меня послышалась шумная потасовка, и нервный лай собаки. Я, не сбавляя темпа, добежала до строительных лесов и спряталась за большим поддоном с декоративным камнем.

Стараясь выровнять дыхание, прислушалась.

В наступившей тишине послышалось пьяное бормотание Жака. Я выглянула из-за своего укрытия.

Жак некоторое время стоял, пошатываясь, над лежащим без движения напарником. Он несколько раз ударил его ногой, позвав по имени. Потом, махнув рукой, выкрикнул: «Марс, ату!» — и, выдернув поводок из руки лежавшего, выпустил собаку.

Огромная псина кинулась в мою сторону. Волосы на моей голове зашевелились, взгляд заметался, ища лестницу, чтобы забраться повыше на строительные леса. Она оказалась в

метрах пяти от меня, я рванула к ней и, уже почти добежав, почувствовала, как острые зубы со злобным рычанием вонзились в мою лодыжку.

От пронзившей меня боли я отчаянно закричала.

— Марс, ко мне, молодец, мальчик! — Пьяный голос Жака был совсем близко. Я сделала отчаянный рывок, освободившись от кровожадных челюстей собаки, и, преодолевая боль в ноге, схватилась руками за лестницу.

— Куда это ты, детка, собралась? — Сильная мужская рука схватила меня за шею, обдав тяжёлым винным перегаром, и потянула на себя. Лестница, за которую я крепко держалась, стала заваливаться вместе со мной на пьяного парня, послышался грохот, и сверху на нас посыпались доски и строительный мусор.

Чёрная бездна поглотила меня, освобождая от невыносимых телесных страданий и тяжести, сковывавших мою грудь, медленно погружая в безмолвную мягкую тьму. Последнее, что я услышала перед тем, как сознание окончательно покинуло меня, был леденящий душу вой собаки, нарушающий наступившую оглушительную тишину, несущую с собой умиротворение.

Я пребывала в состоянии невесомости, погружённая в пучину безмолвия и мрака, лишённая каких-либо ощущений. Попытки пошевелить руками не увенчались успехом: что-то

тяжёлое и непреодолимое сковывало мои движения.

В полной апатии я дёрнула ногой и с удивлением обнаружила, что она поддалась моему усилию. Затем я повторила это действие с другой ногой и осознала, что могу управлять своими конечностями. Собравшись с силами, я начала энергично двигать ногами, стремясь вырваться из этого вязкого плена.

С каждым новым усилием пространство вокруг меня менялось. Ощущение ваты, окутывавшей меня, исчезло, и моё сознание стало наполняться звуками и голосами.

Я наконец ощутила своё тело. На мне кто-то активно дёргался и пытался коленом раздвинуть мои с силой сведённые ноги, от лежащего на мне шёл удушающий винный перегар. Я в страхе распахнула глаза, мгновенно вспомнив, что со мной произошло накануне.

Где я, что со мной? Взгляд безумно заметался по окружающему пространству. Комната, старинная мебель, свечи, мужчины в камзолах с похотливыми взглядами, женщины в роскошных платьях с глубоким декольте и презрительными усмешками. Две девушки в одинаковых коричневых платьях и белых чепцах крепко держат мои руки.

Неожиданно резкая режущая боль обожгла внутреннюю сторону моего бедра.

Я закричала, но вместо крика получилось какое-то мычание. Извернувшись, я вырвала одну руку и схватила за волосы мужика, который продолжал ритмичные движения на

мне. Я с силой дёрнула за его шевелюру, мужик, не понимая, что произошло, разразился пьяной бранью, приподнялся надо мной, и я, улучив момент, залепила ему ногой в обнажённый пах.

Он слетел с кровати и, ударившись головой о комод, стоящий возле стены напротив, отрубился. Раздались женские ахи, а мужчины разразились громким смехом.

А новоиспечённая баронесса, оказывается, ещё та ретивая козочка, — сказал молодой мужчина и окинул меня насмешливым взглядом. Остальные мужчины опять засмеялись и, подойдя к валяющемуся мужику, подхватили его под руки и потащили к двери.

Мужчина взял с кресла покрывало, протянул его мне: «Прикройтесь, баронесса», — и, поклонившись, быстро вышел вслед за другими.

- Нам тоже пора, дамы, свою миссию мы выполнили. Инес, заberi простыню и позови няньку баронессы. - Красивая блондинка с пышным бюстом и тонкой талией брезгливо скривила лицо, посмотрев на меня. - И как только мой братец согласился на этот брак, ума не приложу.

- И не говори, дорогая, это сплошной моветон. Но на то воля короля, кто мы такие, чтобы перечить его величеству. И ты же знаешь нашу королеву и её тягу к больным и убогим. - Вторая девушка, не менее красивая, чем первая, возмущённо закатила глаза и, взяв блондинку под руку, направилась с ней на выход. Вслед за ними побежала девушка в чепце,

которая во время разговора успела аккуратно вытащить из-под меня окровавленную простыню.

В комнате осталась дама почтенного возраста, облачённая в платье строгого фасона, приблизившись ко мне, с жалостью взглянула на меня.

«Бедное дитя, — произнесла она, — возможно, это и к лучшему, что ты совершенно ничего не понимаешь». С этими словами она печально покачала головой, присела в реверансе и добавила: «Доброй ночи, баронесса». Развернувшись, прошла к выходу и тихо прикрыла за собой дверь.

В опустевшей комнате наступила тишина, и лишь свечи в канделябрах, украшенных позолотой, нарушали эту тишину своим едва слышным потрескиванием. Я так и продолжала сидеть в застывшей позе, смотря в одну точку ничего не понимающим взглядом, лихорадочно ища логическое объяснение происходящему.

Бред какой-то, однако меня конкретно пришибло, я подняла руки и ощупала свою голову, никаких повреждений, даже элементарной шишки от удара на ней не было.

Сон, это скорее всего лишь сон, и я нахожусь в больнице, а всё это, я окинула взглядом комнату, побочный эффект от лекарственных средств.

Решив остановиться пока на этом варианте, я наконец пошевелилась, от долгой и неудобной позы мои ноги затекли, я стала их медленно распрямлять и тут же почувствовала сильную боль на бедре. Задрала подол рубашки и замерла, уста-

вившись на достаточно глубокую рану, нанесённую каким-то тонким предметом, из неё всё ещё сочилась кровь. Я сглотнула вставший ком в горле от накатившей на меня паники.

Скрипнула дверь, и в комнату ворвалась шустрая худенькая старушка. Кинулась ко мне с громкими причитаниями и протянула ко мне дрожащие старческие руки.

— Детонька моя, что они сделали с тобой, ироды окаянные?

Я отпрянула, вскочила с постели и забежала в дальний угол комнаты. «Кто вы?» — хотела было воскликнуть я, но слова застряли у меня в горле, и вместо них вырвался лишь невнятный звук, заставивший меня закашляться. Да что же с моими голосовыми связками? Я схватилась за горло.

С опаской взглянув на пожилую женщину, и замерла: за её спиной возвышалось огромное напольное зеркало, в котором отражалась девушка в длинной белой сорочке, украшенной пеной кружев. Её копна ярко-каштановых волос ниспадала до пояса, а огромные, какие-то безумные глаза смотрели прямо на меня.

- Мамочки! - пискнула я беззвучно. В отражении была я, никаких сомнений.

Я, полностью игнорируя удивлённую женщину, прошлёпала босыми ногами по сияющему паркету к зеркалу и в полном шоке уставилась на своё отражение.

В зеркале отражалась я, но... И это «но» оказалось ну очень большим при внимательном рассмотрении. В отраже-

нии мне было от силы лет шестнадцать, волос такой длины у меня отродясь не было, а лицо с наивно большими глазами в обрамлении длинных и густых ресниц было покрыто мелкими прыщами.

Катрин.

Я подняла руку и откинула тяжёлую прядь со лба, и тут меня охватила паника: на безымянном пальце не было бабушкиного кольца. В ужасе осмотрев свои руки, я бросилась к кровати и начала лихорадочно перетряхивать постельное бельё.

— Милая, что ты делаешь? — спросила пожилая женщина, с трудом сдерживая слёзы и поднимая с пола упавшую подушку.

— Где моё кольцо? — хотела было воскликнуть я, но вместо этого опять лишь невнятно промычала и, отмахнувшись от старушки, опустилась на колени и начала шарить руками под кроватью.

— Мари, что здесь происходит? — внезапно раздавшийся мужской голос заставил меня вздрогнуть и больно удариться затылком об основание кровати. Я замерла в позе, которая, вероятней всего, выглядела непристойно со стороны говорящего.

— Отчего она не спит? Я дал ей вполне достаточное количество лауданума, мадмуазель Катрин от такой дозы должна

была проспать до самого утра.

— Не знаю, месье лекарь, она очень странно себя ведёт. Шарахается от меня, как от чумной, под кровать зачем-то полезла. — Старушка всхлипнула и продолжила: — Говорила я вам, что ваша настойка плохо на неё действует, а вы мне не верили, и вот смотрите. А ещё служанка сказала, что во время церемонии брачной ночи моя деточка вдруг проснулась и стала агрессивно себя вести и даже ударила господина барона по причинному месту. — добавила она шёпотом и опять всхлипнула.

Что-то всё происходящее здесь со мной всё меньше и меньше мне напоминало галлюцинацию. Лауданумом в старину назывался опиумный раствор. Они что, её-меня опиумом опаивали, что ли? Я в задумчивости потёрла ушибленное место и решительно стала выбираться из-под кровати.

Наконец встав, я с любопытством и вызовом уставилась на маленького толстого лекаря с блестящей залысиной на голове и с красно-сизым носом на лице.

Лекарь удивлённо окинул меня взглядом, обошёл меня со всех сторон и выдал: «Ей надо срочно пустить кровь, это снимет напряжение и агрессию». Он поставил свой саквояж на кровать и вытащил из него грязную льняную тряпицу, в которую был завернут сомнительной чистоты скальпель.

Что за бред тут происходит? Я сделала шаг назад и на всякий случай поискала глазами предмет, который подошёл бы для обороны.

- Госпожа Катрин, не бойтесь, мы, как обычно, пустим вам кровь, и вы спокойно уснёте и будете видеть прекрасные сны, давайте, моя милая, не будем ещё больше расстраивать вашу старенькую нянюшку, — сказал мне лекарь приторно-ласковым голосом и стал приближаться ко мне, слащаво улыбаясь.

Мой взгляд заметался и остановился на массивном подсвечнике, стоявшем на прикроватном столике, недолго думая, я схватила его и, сбив рукой горящую свечу, выставила его перед собой, демонстративно покачивая.

Вдруг раздался пронзительный крик, и мы с лекарем одновременно обернулись в сторону его источника. Перед нами стояла старушка, с ужасом в глазах и держась за сердце. Внезапно она побледнела, её глаза закатились, и, потеряв сознание, она упала на пол.

Я взглянула на мужчину и подумала, что нужно поскорее от него избавиться. Сделав угрожающее лицо, я замахнулась на него подсвечником, издав при этом устрашающее мычание. Он внезапно присел в испуге, а затем, не выпрямляясь, быстро подбежал к кровати, схватил свой саквояж и, уже находясь возле двери, выкрикнул визгливым голосом: «У вашего мужа, баронесса, есть свой лекарь, вот теперь он пусть с вами и нянчится, а я умываю руки».

Я подождала, пока за ним закроется дверь, и, словно вихрь, подбежала к ней и закрыла на щеколду. С огромным облегчением выдохнув, я подошла к пожилой женщине и слегка похлопала её по бледным щекам.

Старушка открыла глаза и посмотрела на меня.

— Что со мной? — дрожащим голосом спросила она и стала пытаться подняться, я ей подала руку. Она удивлённо глянула на меня, но всё же приняла мою помощь. Усадив её на кровать, я вопросительно на неё посмотрела.

— Детка, тебя как подменили, ты никогда не была такой,

это точно всё от настойки лекаря, — она сокрушённо вздохнула.

Я закивала головой и показала на свой рот пальцем, пожав плечами.

— Ты как будто стала понимать, о чём я говорю.

Я опять согласно кивнула и опять показала на рот, вопросительно на неё посмотрев.

— Ты хочешь спросить, почему ты не говоришь?

Я заулыбалась и ещё активнее закивала.

— Странно-то как. Десять лет ты ни на что не реагировала и не понимала, что тебе говорят. — Женщина всплеснула руками ласково на меня посмотрела, продолжив: — Такая ты стала после того, как на вашу карету напали разбойники, ироды эти проклятые, матушку твою убили, упокой господь её душу, а за тебя выкуп потребовали. Батюшка тогда твой большие деньги за тебя заплатил. Но вызволил тебя, сиротинку, из плена. — Старушка опять прослезилась. — Как домой тебя вернули, с тех пор ты вот такая. Каким только лекарям тебя не показывали, а что толку. Я скажу тебе, детка, одни шарлатаны они. — Старушка мне улыбнулась и хлопала меня по руке.

-Слава богу, что ты не буйная, а то я больно испугалась за тебя. А оно вон всё как хорошо.- Она замялась и спросила: «В зале-то простыню с брачного ложа повесили. Ласков ли муж-то с тобой был?»

Я замотала головой и, приподняв подол сорочки, показала

рану на бедре.

— Чегой-то это? — нянюшка непонимающе на меня посмотрела, а потом, прикрыв рот рукой от удивления, пробормотала: «Так он того, что ли, немощный в мужском деле-то? Ой, господи, чего делается-то?» — Ты, значится, за это его по причинному месту-то заехала? — старушка, указав на рану, неодобрительно покачала головой.

Я утвердительно кивнула и приложила указательный палец к губам, после чего сложила ладони у щеки и зевнула, демонстрируя своё желание лечь спать.

Наконец я осталась наедине со своими мыслями. Первоначальный шок от происходящего прошёл, и, будучи человеком, способным мыслить здраво, по крайней мере, до недавнего события я всегда так думала, пришла к выводу, что не нахожусь в состоянии комы, не испытываю галлюцинаций и психически здорова.

Тогда что? Будучи врачом, к переселению душ я всегда относилась скептически, возможно, где-то я и допускала такую вероятность, но больше всё-таки склонялась к шизофрении.

Но всё происходящее со мной было ну слишком реально. Чтобы это понять, надо испытать зрительные, обонятельные и осязательные ощущения, это позволяет человеку воспринимать пространство и время и в целом, то есть даёт уверенность в реальности окружающего мира.

Всё это я точно испытывала в полном объёме. Но мой разум категорично отказывался думать о том, как я здесь ока-

залась. Я цеплялась за спасительную мысль, словно утопающий за соломинку: если я сейчас засну, то утром проснусь, а всё, что со мной произошло, окажется просто сном — ярким и интересным.

Сон и вправду вскоре пришел, но вот назвать его ярким и интересным язык бы не повернулся. Я находилась в больничной палате и смотрела на всё происходящее со стороны. На больничной койке лежала я, окутанная проводами. Из рта торчала трубка от искусственной вентиляции легких, голова была практически вся перемотана бинтами. Рядом сидела моя мама и, держа меня за руку, плакала.

— Крепитесь, мадам, мы сделали всё, что могли, операция была сложной. Сейчас ваша дочь погружена в искусственную кому. Но последствия после такой травмы предсказать невозможно, увы, — сказал стоящий рядом с ней врач. — Будем надеяться на лучшее, мадам, — он ободряюще ей улыбнулся и вышел из палаты.

— Мамочка! — выкрикнула я с желанием её обнять, но мои руки прошли сквозь неё. — Мамочка, я здесь, я с тобой, мамочка, — я обессиленно зарыдала и с тоской посмотрела на такую родную мамину руку, которая сжимала мою бледную ладонь. Взгляд зацепился за бабушкино кольцо на моём безымянном пальце, красный камушек, украшенный золотым паучком, исчез, оставив после себя лишь слегка оплавленную маленькую дырочку.

Внезапно возникшее чёрное вихревое образование нача-

ло поглощать меня, утягивая в бездну мрака. Кровь в ушах застучала с оглушительной силой, а палата начала таять, словно растворяясь в воздухе. Цепляясь за эту действительность из последних сил, я отчаянно закричала: «Нет, нет, только не это, мама, мамочка».

- Мамочка, - прокричала я в последний раз и, обливаясь слезами от безумной тоски и безысходности, распахнула глаза.

Я находилась в той же комнате с роскошной обстановкой, что и накануне, и ничто не изменилось. Только стало светлее от утреннего света, проникающего через большое окно. Напротив меня стояла всё та же пожилая женщина, на лице которой застыло выражение безграничного счастья.

— Катрин, деточка моя, ты вновь говоришь, — она кинулась ко мне и, заключив в объятия, заплакала, приговаривая: «Какое счастье, милая, какое счастье».

Нянюшка.

Я, рыдая, уткнулась в её старческое плечо.

Я плакала навзрыд, осознание произошедшего со мной после того, что я увидела в ночном видении, не оставляло никаких других вариантов, кроме одного: моя душа каким-то невообразимым образом переместилась в тело этой юной девочки и заняла её место. Возможно, она здесь погибла от передозировки раствора опиума, и говорить я начала,

видимо, поэтому — кто знает, но теперь я — это она.

В этот самый момент я чувствовала себя выброшенной на берег необитаемого острова посреди океана, и вокруг меня были лишь враждебно настроенные аборигены, за исключением одной маленькой старушки, которая всю жизнь любила и оберегала эту несчастную, блаженную Катрин.

Я прижалась к ней сильнее и с благодарностью поцеловала её в морщинистую щёку.

В дверь постучали, от неожиданно громкого стука мы обе вздрогнули и переглянулись.

— Нянюшка, — я старалась говорить быстрее, но это с большим трудом получалось нормально, за столько лет голо-
совые связи девочки почти атрофировались, и многие буквы выговорить нормально не удавалось, — давай оставим всё в секрете, для остальных я останусь такой же блаженной и немой, я ничего не помню и не понимаю, где я и что со мной.

Старушка согласно закивала головой и, поцеловав меня в лоб, проворно вскочив побежала открывать дверь.

- Мари, господин барон просит свою жену, госпожу баронессу, спуститься к завтраку незамедлительно, - протараторил девичий голос. - Я теперь приставлена к твоей госпоже личной служанкой.

- Ну раз приставлена, тогда проходи, - ответила нянюшка и, пропустив её, прикрыла дверь.

Девушка подошла к моей кровати и присела передо мной в глубоком реверансе, сказав: «Госпожа», — выжидающе

установилась на меня, совершенно не скрывая своего любопытства.

Я непонимающе заморгала, абсолютно не понимая, что она от меня хочет, мне даже и притворяться не пришлось блаженной, видок со стороны у меня, видимо, был ещё тот.

- Ну что застыла-то, как изваяние, - окликнула её старушка, - иди подбери платье госпоже для завтрака быстро.

Девушка смущённо заморгала, покраснев, и кинулась к двери, видимо, ведущей в гардеробную.

— Совсем девчонку прислал, неумёха, это точно, — проворчала старушка, неся фарфоровый тазик и кувшин белого цвета, расписанный чайными розами в пастельных тонах.
— Ласточка моя, иди умойся, да будем одеваться, не будем гневить твоего мужа понапрасну, — она поставила посуду на изящный столик возле ширмы и вручила мне льняную тряпицу, смоченную в воде.

Я повертела её в руках и, отложив тряпку в сторону, налила в таз воды и тщательно умылась.

Личиком теперь уже моим надо бы будет заняться, и незамедлительно, подумала я, рассматривая себя в большом напольном зеркале. Прыщики и язвочки — это, скорее всего, подростковое акне, справлюсь на раз плюнуть. Но вот наряд — это что-то. Нянюшка и служанка уже облачили меня в унылое серое платье, украшением которого был лишь кружевной воротничок под самую шею, полностью закрывающий небольшое декольте.

Я была среднего роста и для своего возраста весьма неплохо сложена. Высокая грудь, тонкая талия. Но уродливый фасон и цвет наряда абсолютно не подходил к цвету моих роскошных ярко-каштановых волос.

О чём это я, собственно, думаю? — одёрнула я себя и мысленно дала себе подзатыльник. — Я даже не представляю, куда я попала, в каком времени нахожусь и что меня вообще ждёт, а у меня мысли о нарядах и о том, как я выгляжу.

Я посмотрела на своё отражение. Глаза живые, яркие, зелёные. Притвориться блаженной будет весьма затруднительно.

Попробовала натянуть глупую улыбку. Вышло так себе. Попробовала приоткрыть немного рот, стало немного лучше.

Мне повезло, что все считают меня не только слабоумной, но и немой. Если я буду периодически мычать и глупо смеяться, возможно, всё и получится.

Мы покинули помещение и втроем направились в обеденный зал. Наш путь пролегал по просторной светлой галерее, украшенной огромными окнами от пола до потолка, занавешенными шёлковыми шторами. На стенах висели полотна в позолоченных рамах, а под ними располагались консоли, выполненные из ценных пород дерева и имеющие изящные изогнутые ножки.

Стиль мебели и декора, насколько мне позволяли судить мои знания, был характерен для эпох барокко и классициз-

ма, что, если мне не изменяет память, соотносится с периодом правления Людовика XIV.

Ну хоть что-то, по крайней мере, я уже имела приблизительное представление, в каком веке я нахожусь. Галерея закончилась широкой мраморной лестницей, которая, как и стены помещений, была помпезно украшена лепниной с позолотой. Снизу доносились голоса и слышался смех.

Я ощутила внезапное напряжение, и мои руки похолодели от страха перед неизвестностью. Я замерла, ноги налились тяжестью, словно свинцом.

— Дитя моё, пойдём, пойдём, не бойся, я буду рядом, — ласково проговорила пожилая женщина и, взяв меня за руку, повела вниз по мраморным ступеням.

Мы спустились в роскошно обставленную гостиную и направились к смежной комнате, откуда доносились голоса.

Я остановилась на пороге открытых двустворчатых дверей, в замешательстве взирая на большой стол, заставленный яствами. За столом сидело около тридцати человек, а во главе стола восседал тот самый мужчина, который вчера подал мне покрывало.

Увидев меня, он улыбнулся и, встав, быстро подошёл ко мне, протягивая мне свою руку со словами: «Баронесса, дорогая, а вот и вы».

В обеденном зале воцарилась тишина, и тридцать пар глаз обратились на меня. Я с трудом сглотнула комок в горле и протянула мужчине руку, совсем забыв о своей роли сума-

сшедшей. Нервно хихикнула, и, надо признаться, это вышло у меня совершенно непроизвольно.

Мой спутник усадил меня на свободное место по левую руку возле себя. Рядом со мной сидел мужчина и сверлил меня злобным взглядом, а напротив сидела вчерашняя молодая дама, которая моментально сморщила свой носик и презрительно мне улыбнулась.

— Дражайшая супруга, — раздался раздражённый шёпот сбоку, — как почивала моя дорогая глупышка этой ночью? Я повернула голову к говорящему.

Мужчина, зло смотря мне в глаза, медленно и явно с удовольствием пребольно ущипнул меня за руку, которая лежала у меня на коленях. От неожиданности и боли я вздрогнула, и из моих глаз хлынули слёзы.

— Дорогая, вам плохо? — озабоченным голосом спросила вчерашняя дама, сидящая напротив.

— Братец, — обратилась она сразу же к мужчине, сидевшему во главе стола. — Ну обратите наконец внимание на нашу бедную девочку, ей же совсем плохо, я вам говорила, что это плохая идея — звать баронессу за общий стол.

Мне действительно стало очень тяжело дышать, корсет, который был сильно затянут, не позволял мне нормально вдохнуть. Сердце бешено заколотилось. В глазах потемнело, звуки стали отдаляться, и я стала заваливаться на бок, погружаясь в темноту.

Очнулась я в той же спальне на кровати, корсет был раз-

резан, почти полностью оголяя мою грудь. Рядом с кроватью, интенсивно обмахивая меня полотенцем, стояла нянюшка, а рядом со мной сидел пожилой мужчина в каких-то странных восточных одеждах и, держа меня за руку, измерял мне пульс.

Лекарь, мелькнула первая мысль, и я, выдернув руку, стала быстро отползать на другой край кровати.

— Деточка, успокойся, всё хорошо, это лекарь самого графа, очень уважаемый месье. — Нянюшка подбежала ко мне и стала гладить по голове.

Я подозрительно глянула на мужчину.

— Мне говорили, что баронесса тихая и безразличная ко всему. — Лекарь, прищурившись, внимательно на меня посмотрел и добавил: «Оставьте нас с баронессой наедине, быстро».

Нянюшка растерянно посмотрела на меня, я на автомате схватила её за руку.

Заметив это, мужчина усмехнулся и сказал: «Ничего я вашей подопечной не сделаю, мы просто поговорим».

Старушка ободряюще похлопала меня по руке, немного поохав, позвала служанку, и они обе вышли за дверь.

- Ну что ж, баронесса, и давно вы водите всех за нос своей блаженностью? - он хитро на меня посмотрел и по-доброму улыбнулся.

От неожиданности я даже растерялась и, посмотрев на него, часто заморгала, тем временем быстро прокручивая в

голове, как же мне теперь быть.

- Не беспокойтесь, я не собираюсь ни с кем делиться вашей тайной.

- Тогда зачем вам это знать? - неожиданно для себя выпалила я и в испуге прикрыла рот ладонью.

Лекарь расхохотался. - Милое дитя, это я только состою на службе лекарем у достопочтенного месье графа, а вообще я учёный. - последнее слово мужчины произнёс с некоторым пафосом.

Я громко хмыкнула. - Знала я уже одного такого, опаивал меня настойкой лауданума и кровь каждый день пускал, чуть меня на тот свет не отправил- Я посмотрела на лекаря с вызовом.

У мужчины спала улыбка, и его лицо мгновенно стало серьёзным, он уже более внимательно и с интересом посмотрел на меня. - Вы считаете, что кровопускание несёт в себе вред?

- Однозначно, - уверенно сказала я и добавила: - для меня точно.

- Интересно, я тоже давно пришёл к такому выводу, - задумчиво проговорил он, а потом, вдруг опомнившись, произнес: - Я вчера наблюдал за вами на венчание, баронесса, вы были полностью неменяемой. А сегодня, когда я вас увидел за утренним завтраком, вы изменились, возможно, остальные не очень наблюдательны, но это только пока, со временем вас раскусят. Для чего вы решили скрывать, что через столько лет наконец пришли в себя?

- Как бы вы поступили на моём месте, когда вдруг неожиданно ты просыпаешься, а тебя насилуют в присутствии других, и ты абсолютно не помнишь, что с тобой происходило до всего этого, где ты и кто ты?

- Да, варварский обычай, согласен, но это было требование короля, подтвердить состоявшийся факт вашего замужества. Это первое условие в брачном договоре. Второе условие — вы должны родить наследника в течение определённого срока, если же родится девочка, то всё ваше состояние останется при вас, а ваш муж так и останется безземельным бароном.

- А если я вообще не смогу родить ребёнка?

- В таком случае ваш брак будет считаться недействительным, и король вас разведёт. Вы слишком разумно мыслите, баронесса, вы мне лукавите, что ничего не помните.

- Я говорю правду, месье лекарь. -ответила горько вздохнув. - Я доверилась вам, не забудьте, что вы мне обещали, что кроме вас о моей тайне никто не будет знать.

- Можете мне верить, мадам. Я бы хотел продолжить общение с вами, мне очень интересен ваш случай и очень интересно, откуда такая юная особа, как вы, смогла сделать такие выводы по поводу кровопускания.

- Будем считать, что я любознательна.- Сделав наивные глаза, я мило ему улыбнулась.

Мужчина рассмеялся. - Будем считать так, баронесса. - Ну что же, я пойду, скажу, чтобы вас не беспокоили до завтра.

И если вдруг вам понадобится моя помощь или просто захочется поболтать, ваша нянюшка знает, где меня найти.

Лекарь поклонился и быстро вышел из спальни.

Из всей полученной информации можно сделать вывод, что мой брак был организован королём. Я, богатая слабоумная наследница, вышла замуж за безземельного барона, и моего мужа однозначно это злит. Интересно, почему?

Условия брака тоже весьма интересны: вероятность появления наследника мужского пола пятьдесят на пятьдесят, если он вообще родится. Судя по поведению барона в брачную ночь, он знал заранее, что не сможет консумировать наш брак, и подготовился. Первое условие договора было выполнено. Второе условие — это уже вопрос, но для меня это явно ничего хорошего. Вывод напрашивался сам собой. Если он не может сам, то, значит, будет искать того, кто сможет.

Мои размышления были прерваны появлением нянюшки. «Дитя моё, — обратилась она ко мне, — твой супруг повелел нам собираться, ибо завтра после полудня мы отбываем в твоё поместье».

Я не могла сдержать своего удивления и спросила: «Но разве этот замок не принадлежит моему супругу?»

«О нет, милая, — ответила нянюшка, — этот замок является собственностью графа, а барон приходится ему младшим братом».

Похоже, барон действительно хочет, чтобы я забеременела. Чем дальше от пристального внимания, тем лучше. К то-

му же, если родится девочка, будет проще избавиться от ребёнка. А с меня какой спрос? Я же безумная. Возможно, я слишком сильно преувеличиваю, но если я богата, а барон нет, то ответ очевиден.

— Нянюшка, а к чему такая спешка?

— Ой, милая, барон поругался с графом. Месье граф после кончины твоего батюшки был твоим опекуном и настаивает, чтобы вы оставались у него в замке, пока ты не родишь, а барон в никакую.

— Значит, опекуном был тот красивый и внимательный мужчина, что сидел во главе стола?

- Да, деточка, он и есть граф.

Теперь стало понятно, почему он был таким любезным со мной. Это всего лишь ответственность и гостеприимство хозяина. А я-то ненароком подумала, что он ко мне проявляет интерес. Вот глупая! Но раз так, надо приложить все усилия, чтобы остаться тут под его присмотром. Внезапно возникшая мысль, как это всё перевернуть, вызвала у меня улыбку.

- Нянюшка, мы никуда не поедem, оставь сборы.

- Но как же.

- У меня есть идея, но для этого мне надо будет переговорить с лекарем графа.

В животе громко заурчало.

- Нянюшка, так кушать хочется.

- Ох ты, боже мой, моё дитяtko, ты же совсем голодная. Сейчас, сейчас, моя милая, - и она шустро направилась к две-

ри и громко выкрикнула: - Агнеска, где тебя носит, Агнеска, чтоб тебя, несносная девчонка, хороша служанка, ничего не скажешь. - Подождав ещё немного и не дождавшись появления девушки, старушка вышла за дверь, продолжая чиховать нерадивую служанку.

Я, после некоторого размышления, приблизилась к окну. Часы в позолоте, украшенные маленькими фигурками пастушек, расположенные на комод, мелодичным звоном возвестили о наступлении полудня.

Окна моей комнаты выходили на подъездную площадку, покрытую мелким белым гравием. В центре площадки возвышался великолепный фонтан, окружённый цветущими алыми розами и изящными топиари, представляющими собой замысловатые фигуры. В отдалении виднелась дубовая роща. Я распахнула окно и с наслаждением вдохнула воздух, благоухающий розами и свежескошенной травой. Внизу слышалось ржание лошадей и громкие весёлые голоса. Я облокотилась на подоконник и выглянула наружу.

— Какие красавцы! — воскликнула я, не удержавшись от восхитительного вида породистых лошадей разной масти. Но взгляд остановился на вороном жеребце, горделиво гарцующем на длинных ногах с лоснящимися боками и развевающейся длинной гривой.

— Бесподобный, — прошептала я, заворуженно наблюдая за великолепным животным.

Взгляд переместился на седока, и я замерла, встретив-

шись глазами с графом, внимательно наблюдающим за мной. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга не отрываясь. Внезапно граф улыбнулся, слегка склонил голову в знак приветствия и, прищипорив коня, поскакал догонять своих весёлых и смеющихся спутников.

Опомнившись, я резко отпрянула от окна и, прислонившись к стене, сделала глубокий вдох, прижав руку к груди, чтобы унять бешеное биение сердца.

Рука нащупала разорванный корсет, и краска залила моё лицо.

— Вот ведь дурында, торчала в окне почти с обнажённой грудью, — сказала я вслух и сразу же себя оправдала: «Ну извините, а что вы хотели, месье граф, ваша же бывшая подопечная с приветом». И, рассмеявшись над своими словами, отправилась в гардеробную.

— М-да, выбор невелик, — я прошлась вдоль небольшого ряда висевших платьев, сливающихся в одной световой гамме от светло-серого до тёмно-серого. Наугад выбрала одно и, раздвинув наряды, осмотрела его со всех сторон.

Вздохнув, сняла его с вешалки, но вдруг мой взгляд зацепился за странную деревянную панель, ранее скрытую нарядами, панель значительно отличалась от стены цветом и текстурой.

Я оглядела гардеробную, решив, что это элемент отделки интерьера, но, не найдя ничего подобного в помещении, повесила платье обратно и заинтересованно подошла к стене

поближе.

Панель напоминала узкую дверь. Я осмотрела её, но не нашла никаких тайных механизмов, которые могли бы помочь её открыть. В расстроенных чувствах я облокотилась на неё. Вдруг раздался щелчок, панель распахнулась, и я чуть не упала внутрь образовавшегося проёма, но успела ухватиться за косяк стены.

Я осторожно заглянула внутрь и уперлась носом в мужской сюртук. Отодвинув его в сторону, обнаружила, что это тоже гардеробная, только, судя по её содержимому, мужская.

— Интересно, — я прислушалась: в соседнем помещении царила тишина. Немного подумав, крадучись на мысочках прошла в соседнюю гардеробную.

- Господи, я даже и не представляла, что у мужчин может быть столько вещей, - прошептала я и тихо хохотнула, рассматривая чулки и аксессуары в деревянных коробках. Решив тут не задерживаться, я аккуратно заглянула в приоткрытую дверь, видимо, ведущую в спальню.

В помещении никого не было. В отличие от моей комнаты, в которой преобладали бежевые и светлые тона, эта была выдержана в тёмно-синем цвете. Мебель была не столь изящна, как моя. У дальней стены стояла огромная кровать под тяжёлым балдахином, возле окна большой письменный стол, заваленный бумагами.

- Хозяин этой спальни, кажется, предпочитает минимализм, — подумала я, осматривая комнату, в которой не было ни милых безделушек, ни картин, которые были так популярны при Людовике.

После недолгих размышлений я всё же решила подойти к столу, который притягивал меня как магнит, и заглянуть в бумаги.

Взяв в руки верхнюю бумагу, я внимательно её осмотрела. Внизу она была подписана королём и украшена королевской печатью. Я углубилась в чтение: это было ответное письмо, адресованное графу. С каждой прочитанной строчкой мои брови удивлённо поднимались: информация в этом письме касалась меня лично.

— Баронесса? — Громкий и удивлённый мужской голос заставил меня от неожиданности вздрогнуть и выронить из рук читаемую мной бумагу.

Я замерла, услышав приближающиеся шаги. Мои мысли закружились с бешеной скоростью. Сейчас мне вряд ли удастся успешно сыграть роль блаженной дуручки. Что же делать? Есть один выход — упасть в обморок. Это отличный вариант!

Шаги затихли, и я почувствовала, как на моё плечо легла рука в лайковой перчатке. Аромат кожи и едва уловимый запах роз окутал меня. Я зажмурила глаза и начала изображать потерю равновесия. Но в этот самый момент меня подхватили сильные руки и крепко прижали к себе.

— Вот чёрт! Напугал её, что ли, — проговорил озабоченным голосом мужчина и прокричал: — Лекаря быстро, баронессе плохо. — и куда-то меня понёс.

Слегка приоткрыв глаза, посмотрела сквозь густые ресницы. Мы вышли в коридор и зашли в соседнюю дверь моей спальни. Мужчина бережно уложил меня на кровать и с нежностью провёл рукой по моей щеке. Только сейчас я смогла разглядеть, кто это. Граф!

Послышались голоса и звуки спешащих шагов. Граф отпрянул от меня и встал возле кровати.

— Арджун, баронессе опять плохо. Сделай всё, чтобы привести её в чувство, и сразу ко мне, я буду у себя, — проговорил он и быстрыми шагами удалился, хлопнув дверью.

Я несколько мгновений подождала и, резко перекатившись на другой край кровати, стрелой кинулась в гардеробную, провожаемая изумлённым взглядом лекаря.

Подбежав к стене, я захлопнула панель, она издала характерный щелчок, и через миг в соседней гардеробной слышались шаги. Я на мысочках пробежала обратно и как ни в чём не бывало улеглась на кровать, сделала несколько глубоких вдохов, стараясь привести дыхание в порядок.

- И что это было, мадам? - спросил лекарь, сложив руки перед собой в замок, подозрительно на меня посмотрел.

Я тоже уставилась на него, соображая, говорить ему правду или нет. С одной стороны, он вызывал во мне доверие, но с другой — он был слугой графа, а это в корне меняло дело.

Если он ещё ко всему узнает, что я умею читать, предыдущая версия моего беспамятства рассыплется в прах, и тогда ко мне появится очень много вопросов.

- Я ошиблась дверью, месье, а внезапно появившийся граф своим неожиданным появлением меня сильно напугал, и от испуга я лишилась чувств. - Я мило улыбнулась и добавила: - Но сейчас всё хорошо, прошу вас, не беспокойтесь.

- Ну раз так, баронесса, раз моя помощь вам не требуется, я откланяюсь, - лекарь уже было собрался уходить, как я воскликнула.

- Как раз наоборот, месье, ваша помощь мне очень нужна, даже больше скажу, жизненно необходима, - вскочив с кровати, подбежала к нему и взяла его за руки.

От моего неожиданного порыва лекарь часто заморгал и растерянно мне улыбнулся. - Слушаю вас, баронесса.

- Зовите меня просто Катрин, пожалуйста, мне будет очень приятно. - Старик на меня посмотрел с сомнением. - Ну хотя бы зовите меня так наедине, - добавила я и надула губки.

Лекарь заулыбался, кивнув, сказал: - Тогда уж вы тоже, милое дитя, зовите меня по имени. - Старик вытянулся по струнке и произнёс, кивнув головой: - Позвольте представиться, Арджун, будем знакомы, мадам. - И мы оба расхохотались от его забавной выходки.

Лекарь Арджун.

- Арджун, помнится, вы сегодня мне поклялись, что не раскроете моей тайны.

Мужчина утвердительно кивнул.

- Вы знаете, что мой муж намерен меня отвезти в моё поместье? Вы мне должны помочь отсрочить мой отъезд на несколько дней.

- А в чём причина, позвольте поинтересоваться, я думал, вам будет лучше в родных стенах. - Он в удивление посмотрел на меня.

Дело в том, что наш брак не был консуммирован этой ночью, барон уколол мне бедро, чем вызвал кровотечение.

Лекарь нахмурился и вопросительно посмотрел на меня.

И я ему рассказала о своих домыслах, и что меня может ожидать дома.

Старик долго молчал и хмурился. - Дитя моё, это в корне меняет дело, я думаю, вам надо всё рассказать графу.

- Нет- категорично сказала я и пристально посмотрела на лекаря, решая рассказывать про прочитанное мной письмо или нет.

Всё-таки решившись ему довериться, сказала: «Я прочитала письмо, адресованное графу от короля».

— В каком смысле читали? Вы умеете читать? Когда же вы успели освоить грамоту, мадам? — Он подозрительно посмотрел на меня.

-Я вам потом всё объясню, месье, обязательно. А теперь

просто выслушайте меня, умоляю.

- Ну хорошо, я весь в внимании.

Я рассказала ему о содержании письма и подытожила: «Теперь вы понимаете, что как бы обстоятельства ни сложились, всё будет против меня: если признаюсь, что я нормальная, останусь с бароном, если не рожу ребёнка, то король аннулирует брак и выдаст меня за другого на тех же условиях, если буду и дальше притворяться, то опять же останусь с бароном, а если не рожу, то король отправит меня в монастырь, а всё моё состояние отойдёт короне».

Старик сидел глубоко задумавшись, сильно нахмутив брови.

— Так я могу рассчитывать на вашу помощь?

- Без сомнения, дитя моё. Но что вам даст эта небольшая отсрочка?

- Время всё обдумать, - я сделала паузу и добавила: чтобы разыграть свою смерть.

— Что сделать? — он в изумлении смотрел на меня, как на вновь обезумевшего человека.

- Разыграть свою смерть, и не смотрите на меня так, со мной всё в порядке. - Я ему улыбнулась.

- Милое дитя, вы абсолютно не понимаете, о чём говорите. Внешний мир слишком жесток, куда вы пойдёте? Что с вами будет? Без поддержки семьи, денег? В лучшем случае окажетесь в борделе, в худшем — в Сене.

- В Сене, говорите? - Я задумалась. - Слушайте, а это даже

очень неплохой вариант, все же думают, что я того, с приветом, типа я сбежала и утопилась. Да, отличный вариант.

- Да вы меня совсем не слышите, баронесса! - Возмущённо воскликнул лекарь, вскакивая. - Я еще могу пойти на то, чтобы вас не трогали несколько дней, пожалуйста, но быть помощником в вашей скорой мнимой гибели даже не просите.

- А то, что меня продают, как безмолвную куклу, насилуют прилюдно держа за руки, используют, как свиноматку для продления потомства. С этим вы согласны? Вас от этого не коробит? Чем такая жизнь отличается от борделя?

Лекарь замер и, опять нахмурившись, присел в кресло. Некоторое время он сидел и о чём-то сосредоточенно думал.

— Ну, допустим, я вам помогу. И даже помогу устроиться вам в Париже, но дальше-то что? Вы столь юны, ничего не умеете, на что вы будете жить?

- *Ducunt volentem fata, nolentem trahunt*, - ответила я ему на латыни.

- Желającego идти судьба ведёт, не желającego - влачит. Прекрасно сказано! - похвалил он меня и вдруг поражённо уставился на меня, не мигая, а потом, заикаясь, спросил: — Что вы только что сказали?

Я повторила изречение, с удовольствием наблюдая за фейерверком эмоций, происходящим на лице лекаря.

- Как? Откуда вы знаете латынь? — наконец вымолвил он. Я пожала плечами: - Просто знаю, и всё.

- Поразительно! - Он вскочил и стал накручивать круги по комнате, бормоча что-то себе под нос на языке, напоминающем хинди.

- А что вы ещё знаете? - Он наконец остановился и вопросительно посмотрел на меня.

— Я знаю, как быстро избавиться от прыщей, — я поморщила нос и улыбнулась. — А вот хинди я не знаю.

Старик побледнел и покачнулся. Я подбежала к нему и схватила за плечи, чтобы поддержать.

— Присядьте, — усадила его в кресло и, взяв его за запястье, измерила пульс.

— Тахикардия, у вас всегда такой учащённый пульс, когда вы нервничаете? В вашем возрасте надо себя беречь, так и до инфаркта недалеко.

Лекарь молча кивнул и, казалось, собирался что-то спросить, но дверь внезапно распахнулась. В комнату вошла нянечка, за ней — служанка с большим подносом еды.

Надо отдать должное проворной старушке, она мгновенно оценила ситуацию. И как только служанка поставила поднос, вытолкала её за дверь.

— Что происходит? — нянюшка встала рядом с нами и любопытным взглядом окинула нас с лекарем.

— Дорогая Мари, ваша подопечная настолько меня поразила, что я в большом замешательстве, — ответил ей лекарь и горящим и жаждущим взглядом учёного вопросительно посмотрел на меня.

Возможно, я немного перестаралась, сказав слишком много того, чего просто не могла знать моя предшественница. Но я добилась своего — в глазах лекаря заблестел лихорадочный огонь, и я поняла, что сейчас на первый план в нём вышел учёный. Теперь я была уверена, что он поможет мне бежать и сделает всё возможное для этого.

- Нянюшка, я такая голодная, готова слопать слона. - Я подошла к подносу и взяла ароматную булочку, посыпанную сахарной пудрой, и откусила от неё, внутри оказался заварной крем. - Божественно! - Я закатила глаза от удовольствия.

Старушка, мгновенно забыв о лекаре, подскочила ко мне, усадила за стол и стала выкладывать на тарелку всевозможные яства, приговаривая: - Кушай, кушай, моя голубка, радость-то какая, какой хороший аппетит у моей девочки, раньше-то и крошку не заставишь было проглотить. Нянюшка продолжила суетиться вокруг меня. Я кинула многозначительный взгляд на задумчивого Арджуна.

- Баронесса, я вас покину, вечером к вам обязательно загляну. Наши с вами договорённости и планы в силе, я постараюсь всё решить максимально быстро и устроить всё наилучшим образом. - Он встал, поклонился и торопливо покинул мою спальню.

- Вот и отлично! - прошептала я и, довольно потирая руки, взяла с тарелки маленькую тушку восхитительно пахнущего перепела.

Насытившись, почувствовала усталость и небольшое

недомогание, видимо, последствия вливаемого опиума в ослабленное тело моей предшественницы давали о себе знать, зависимость от этого наркотика явно присутствовала, и мне придётся с этим как-то бороться. Наилучший сейчас вариант — это лечь спать. Что я и сделала. Нянюшка помогла мне переодеться. И стоило моей голове коснуться подушки, я провалилась в сон.

Карета мирно покачивалась, матушка и служанка дремали. А я старалась поймать солнечного зайчика, прыгающего по бархатной обивке сиденья. Взгляд упал на кожаный футляр — подарок крёстного. Я провела пальцами по футляру и, быстро глянув на матушку, приоткрыла крышку. Скрипка, такая красивая, покрытая тёмным лаком, таинственно поблёскивала своими плавно изогнутыми боками. Сбоку лежал свиток с большой восковой печатью, перевязанный красной ленточкой.

— Катрин, доченька, — мама недовольно покачала головой и опять прикрыла глаза.

Я с сожалением закрыла футляр. Сложив руки на коленях, заболтала ногами, смотря в окно кареты. Поскорее бы приехать домой. Батюшка нанял учителя музыки, и я скоро тоже, как крёстный, буду играть красивые мелодии. Мне так не терпелось взять этот прекрасный инструмент в руки. Мы бы уже давно были дома, но нам пришлось сделать большой крюк, так как матушке надо было забрать документ, который

сейчас лежал с моей скрипкой. Я опять с тоской посмотрела на футляр и горько вздохнула.

Неожиданно раздался громкий свист, карета резко остановилась, заржали лошади, послышался лязг оружия и крики нашей охраны.

. Дверь распахнулась, в неё заглянул какой-то грязный незнакомый мужик и, оскалившись гнилыми зубами, потянул ко мне руки. Испугавшись, я истошно закричала.

- Катрин, детка, проснись, - меня кто-то мягко тряс за плечо, я распахнула глаза. Рядом стояла нянюшка и озабоченно смотрела на меня. - Ты так кричала, милая, плохой сон?

Я кивнула, села в кровати и потерла лоб, пытаюсь вспомнить детали сна. Мне казалось, что когда-то в детстве я видела нечто похожее, но тот сон был настолько жутким, что подсознание, вероятно, стерло его из памяти или спрятало его настолько глубоко, что, как я ни пыталась, подробности сна из детства вспомнить не могла.

— Нянюшка, скажи, а у меня была скрипка?

— А как же, она и сейчас есть, ты все эти годы с ней не расставалась. Когда тебя батюшка твой вызволил у душегубов этих, так ты несколько дней с ней не расставалась, вцепилась ручонками, даже спала с ней.

— А где она сейчас?

— Так знамо где, в сундуке.

- Принеси, пожалуйста., - попросила я старушку, и она,

охотно кивнув, торопливо пошла в гардеробную.

Футляр был сильно потрёпан. Я откинула крышку, скрипка, из моего сна, лежала на месте, единственное, что там не было никакого свитка. Вынув инструмент, осмотрела со всех сторон, всё же мастера в старину делали музыкальные инструменты в разы лучше, с душой, что ли. Рука сама потянулась к смычку, и, положив скрипку на плечо, прикрыв глаза, я заиграла.

Мелодия, некогда звучавшая в стенах моего дома, теперь лилась с новой силой здесь, и я, привыкшая исполнять её для бабушки, вдруг слышала её совершенно по-иному. Смычок скользил по струнам, пробуждая в моём сердце тоску и боль расставания.

С тех пор как не стало бабушки, я впервые взяла в руки скрипку. Эту мелодию я подобрала и выучила специально для неё. Бабушка обожала сериал «Великолепный век» и особенно любила музыку, которую исполнял на скрипке Ибрагим. Слёзы текли по моим щекам, а вместе с ними плакала и моя душа.

Скрипка, издав последний чарующий звук, замолчала. Я опустила руки и ещё несколько мгновений сидела с закрытыми глазами.

Послышался всхлип. Нянюшка, сидевшая в кресле, утирала глаза белым кружевным передником. А в дверях стоял замерший лекарь и, смотря на меня как на чудо, шептал: «Ангел, суший ангел».

Катрин.

- Баронесса, я даже не буду спрашивать, как и откуда! - воскликнул вышедший из оцепенения лекарь и поспешил ко мне. - Я всё продумал, мы сегодня ночью с вами отбудем в Париж. - Он посмотрел на меня взглядом, полным ликования.

- Мы?

- Да, я обратился к графу за разрешением. Я объяснил ему, что мне необходимы лекарства и некоторые ингредиенты для опытов, причём срочно.

Я перевела взгляд на нянюшку, которая была не в курсе нашего разговора с лекарем и теперь смотрела на меня потерянным взглядом.

- Нянюшка милая, - я присела на пол рядом с креслом, где она сидела, и взяла её руки в свои, - мне надо тебе кое-что рассказать, и я очень надеюсь на твоё понимание и поддержку.

Поведала ей всё без утайки, она периодически охала и ахала, но положительно кивала головой.

- Мне нужно оставить тебя здесь на некоторое время, чтобы не вызывать подозрений. Как только я обустроюсь на новом месте, сразу за тобой пошлю. Я обязательно тебя заберу, ты мне веришь?

- Не беспокойся обо мне, милая. - Она ласково погладила меня по щеке. - Главное, чтобы с тобой всё было хорошо. Я

помогу и сделаю всё, что вы мне скажете.

— Благодарю, нянюшка! — произнесла я с искренней благодарностью и с нежностью поцеловала пожилую женщину.

- Мне нужно изменить свою внешность, и я, пожалуй, начну с волос. — сказала я, подходя к зеркалу и внимательно рассматривая своё отражение. — Мне нужна хна.

- У меня есть хна, а ещё нам понадобится платье служанки. Мы переоденем вас, и вы сможете беспрепятственно покинуть замок. И, баронесса, берите с собой только те вещи, что необходимы, весь ваш гардероб забрать не получится, - сказал мне лекарь с сожалением.

Я развела руками. — Какой там гардероб! Выбор, скажем так, у меня не очень большой. Возьму пару платьев и всё самое ценное.

- А я в прачечную пойду схожу, сейчас в это время там никого уже не должно быть, постараюсь раздобыть платье и чепец, — сказала няня, вставая с кресла и подходя ко мне.

— Деточка моя, боязно мне за тебя, но это всё лучше, чем оставаться с бароном, злющий он человек, нехороший. Да и месье лекарь будет с тобой, устроит тебя на месте, позаботится о моей сиротинке. Да-да, это вы очень хорошо придумали. Только ведь кинутся тебя по утру-то.

— Не переживайте, Мари, мы инсценируем смерть баронессы. Доедем до реки, которая протекает недалеко от замка, и оставим на берегу её вещи. А вы уж тогда постарай-

тесь разыграть безутешное горе, чтобы ни один комар носа не подточил, — сказал довольный сам собою старик, и его глаза возбуждённо сверкнули. Судя по всему, лекарь был ещё тем авантюристом.

— А как же, в этом даже не сомневайтесь, голосить буду на весь замок. - Старушка улыбнулась и бодренько пошла к двери.

- Катрин, вы не передумали? - обратился лекарь ко мне, как только закрылась дверь за пожилой женщиной.

- Нет, - твёрдо ответила я. - Я хочу сама распоряжаться своей жизнью.

Мужчина пристально посмотрел мне в глаза, и в его взгляде промелькнуло уважение. - Ну хорошо, тогда я за хной.

Оставшись одна, я вернулась к кровати с намерением убрать скрипку обратно в футляр. Внутренняя бархатная обшивка футляра немного топорщилась и с широкого края пошла бахромой, отходя от основания. Я попробовала подогнуть отошедший материал внутрь, как мой палец неожиданно наткнулся на что-то, чего явно не должно было там быть. С любопытством я надорвала немного бархат и просунула под обшивку руку, нащупав твёрдый лист бумаги, ухватив его, вытащила наружу.

— Интересно, что это? — сказала я, разворачивая лист и с любопытством приступая к чтению.

Передо мной предстала дарственная грамота на предъявителя, составленная в графстве Прованс. Названия, упомяну-

тые в документе, были мне совершенно неизвестны, однако я знала, что Прованс расположен на берегу Средиземного моря, а на его побережье находятся города Ницца и Марсель.

Согласно грамоте, предъявителю передавалось поместье с угодьями, а также три заброшенных рудника. Дата, указанная внизу документа, мне ни о чём не говорила, поскольку я совершенно не знала, какой сейчас год.

Документ был подписан неким графом Ксавье с примечанием, что данный документ не имеет срока давности.

Я задумалась, что-то мне подсказывало, что именно этот документ я видела во сне, свёрнутый в свиток. И даже возможно, что именно из-за этой грамоты связаны произошедшие трагические события десятилетней давности.

Получается, предъявителем может быть кто угодно, и почему бы этим предъявителем не стать мне? Надо всё будет хорошенько обдумать, как только я покину это злополучное место.

Решила пока никому не говорить о моей неожиданной находке и спрятала бумагу обратно под бархатную подкладку.

Неожиданно в дверь постучали, я в панике схватила футляр и нырнула под одеяло, замерев. Кто это? Нянюшка и лекарь навряд ли стали стучать, подумала я и зажмурила глаза, услышав скрип открываемой двери и тихие шаги по паркету.

Рядом с кроватью шаги остановились, некоторое время стояла полная тишина, потом этот кто-то присел возле меня.

— Прости меня, девочка, я пытался сделать всё, что мог,

но я не всесилен.

Моё сердце сделало кульбит — тихий голос графа продолжил.

Граф.

— Возможно, мой брат для тебя будет не самый худший вариант из предложенных королём, в любом случае я смогу контролировать его, чтобы он не смог причинить тебе зла. Я, как и обещал твоему отцу, сдержу слово и позабочусь о тебе. — Он поправил мою прядь волос и ласково провёл пальцами по шее, наклонившись, поцеловал меня в лоб. Встал и тихо вышел из спальни.

Я отмерла и прикоснулась рукой к тому месту на своей шее, где ещё совсем недавно ощущала нежные касания графа. Что это было? Эти прикосновения выглядели весьма интимно и совсем не походили на заботливые касания бывшего опекуна. Кровь прилила к моим щекам. Всё же у меня странная реакция на его сиятельство, и это весьма напугало и озадачивало.

Мои размышления прервали вернувшиеся нянюшка с лекарем, и я сосредоточилась на подготовке к побегу. Скоро я покину это место и, возможно, больше никогда не встречу с графом. Так стоит ли придавать этому какое-либо значение?

— Катрин, вас теперь не узнать, — произнёс лекарь, при-

стально глядя на меня, вертящуюся перед зеркалом.

Благодаря хне, волосы приобрели светло-каштановый оттенок с медным отливом, а глаза засияли ещё ярче, как тёмно-зелёные изумруды.

Слишком красива, рассматривая своё отражение, подумала я. Это может создать определённые сложности с мужским полом, а внимание с их стороны мне сейчас абсолютно было не нужно.

Но то, что во мне сейчас было бы сложно узнать баронессу, это точно. Ладно, разберёмся по ходу дела, главное — покинуть замок и наконец избавиться от сложностей чужой жизни, так бесцеремонно навязанных мне.

— Катрин, будьте за моей спиной, — произнёс лекарь, — если кто-то появится, опустите голову и молчите, я всё улажу сам. — Мужчина выглянул в коридор. — Тихо, пошли, — скомандовал он и шагнул за порог теперь уже моей бывшей спальни.

Я последний раз посмотрела на заплаканную нянюшку, ободряюще ей улыбнулась и, послав прощальный воздушный поцелуй, поспешила за лекарем.

Ночь уже давно вступила в свои права, мы беспрепятственно миновали все коридоры и оказались в просторной кухне замка. В помещении царил мягкий свет, а в воздухе витал восхитительный аромат ванили и корицы. У большого дубового стола спиной к нам стояла полноватая женщина, занимаясь приготовлением теста.

Лекарь, приложив палец к губам и заговорчески мне подмигнув, тихонько подошёл к поварихе и шустро схватил женщину за весьма объёмную талию.

«Ах ты ж, чертяга заморская, напугал!» — весело воскликнула повариха, заразительно захохотав и смачно поцеловала мужчину в губы.

От столь неожиданной сцены я смутилась и опустила глаза.

— Госпожа баронесса, если бы я не знала, что это вы, то

никогда бы не догадалась, — произнесла розовощёкая женщина, с довольным видом оглядывая меня со всех сторон.

Неожиданно раздался громкий мужской храп и невнятное бормотание в конце кухни за цветной занавеской. Я непроизвольно вздрогнула.

— Не пугайтесь, госпожа, это кучер графский, вусмерть пьяный, спит.

— Как вы и просили, месье лекарь, напоила и спать уложила, две бутылки вина вылакал, зараза, теперь до утра дрыхнуть будет.

— Мадмуазель Жанет, благодарю! — лекарь многозначительно подвигал бровями.

Повариха, ещё более разбурьявшись, расплылась в улыбке, выражающей полное удовлетворение.

— Мой брат уже ожидает вас, и вот, — она протянула лекарю корзину, наполненную снедью, укрытой белоснежной салфеткой.

— Мадмуазель Жанет, вы так внимательны и заботливы, — произнёс мужчина, нежно прикасаясь губами к полной руке поварихи, испачканной мукой. — Вы не забудете мою просьбу? — спросил он, не прекращая своих нежных поцелуев.

— Не извольте беспокоиться, месье, скажу, что видела девицу, выходящую из кухни на хозяйственный двор, а кто она такая — мне неизвестно.

— С меня презент, дорогая, — он схватил её и, притянув

к себе, с придыханием в голосе и обожанием во взгляде прошептал: «Восхитительная».

Мы наконец покинули кухню после продолжительного и страстного поцелуя влюблённой парочки.

Я с наслаждением вдохнула ночной воздух, наполненный ароматом сена и цветущих растений. Огляделась.

— Катрин, идёте, нам надо спешить, — сказал лекарь и направился к карете, которая стояла возле каменных построек, напоминающих конюшни.

— Ну кто бы говорил, — хмыкнула я, вспомнив страстные сцены на кухне, и последовала, улыбаясь, вслед за ним.

-Сейчас доедем до реки и разложим ваши вещи на берегу. Потом свернём на тракт и к вечеру следующего дня будем уже в Париже, — сказал Арджун, подавая мне руку и помогая устроиться на мягких сидениях кареты, постучал в стену, послышался свист хлыста, и наше транспортное средство, покачнувшись, тронулось в путь.

В экипаже царили полумрак и безмолвие, лишь лёгкий скрип колёс нарушал эту тишину.

— Арджун, вы индус? — спросила я, чтобы нарушить неловкое молчание.

Лекарь молча сидел напротив, скрестив руки на груди и пристально глядел на меня. «Зачем вы спрашиваете, баронесса? Вы и так знаете ответ. А вот кто вы сами, сударыня?» — спросил он, слегка наклонившись ко мне.

Я нервно сжала руками юбку. Вот я идиотка, понятно же,

что он далеко не дурак. За его непосредственной весёлостью скрывался острый ум. Я сама дала ему пищу для размышлений, и теперь любое придуманное мной объяснение будет выглядеть дешёвым фарсом.

— Катрин, в тех местах, где я вырос, происходили удивительные вещи. Я многое видел, и этому нет объяснений. Но то, что они действительно были, это факт. Так кто же вы?

— То, что я вам говорила, правда, но... Я замолчала, пытаюсь собраться с мыслями. Сейчас мои слова определяют мою дальнейшую судьбу. Все будет зависеть от этого человека и его реакции.

— Я помню всё, что было до того, как я оказалась в теле Катрин. Я не из этого времени, Арджун. Я из будущего.

Я внимательно следила за реакцией лекаря. Его лицо застыло от удивления. Несколько мгновений он смотрел на меня, не моргая. Потом вдруг руками хлопнул себя по коленям и воскликнул:

— Я так и знал! Что-то тут не так! Как я сразу не догадался, вы — переселенка.

Теперь его лицо выражало восхищение и восторг.

— Кто я? — теперь настала моя очередь удивляться.

Карета резко остановилась. Мой вопрос повис в воздухе. В следующую секунду кто-то постучал в стекло двери. Мужской голос произнес: «Месье лекарь, река».

— Катрин, я всё обязательно вам расскажу, но и от вас, моя дорогая, я жду подробных рассказов. «А теперь нам надо

осуществить задуманное», — и он протянул руку к узелку, лежащему на моих коленях.

Пока Арджун раскладывал мои вещи на берегу, я зачарованно смотрела на виднеющийся вдалеке замок, таинственно освещённый луной, который я так быстро покинула.

— Значит, я всё же попала внутрь, куда так сильно стремилась, — я с горечью усмехнулась и посмотрела на ночное небо, частично закрытое облаками. Мой взгляд выхватил какое-то несоответствие в ярком ночном светиле, но моя мысль, так и не успев сформироваться, была перебита голосом лекаря. «Ну вот и всё, моя дорогая, теперь назад дороги нет, только вперёд», — бодрым голосом сказал Арджун и подал мне руку.

Карета вновь тронулась.

— Баронесса, скажите, а прежде чем вы оказались здесь, были ли на вас какие-либо украшения с драгоценными камнями?

Я посмотрела на свой палец, на котором совсем недавно было бабушкино кольцо.

— Да, был перстень с красным камушком.

— Очень интересно, — лекарь подскочил со своего места и присел рядом со мной. — А какие-либо узоры были на нём?

— На камне была золотая паутинка, похожая на паука.

Арджун схватил своими дрожащими руками мои, его взгляд лихорадочно загорелся.

— Брахма! — воскликнул он и продолжил взволнованным голосом: — Катрин, такого совпадения просто не может быть. Боги послали вас сюда. Знаете, что обозначает паук на моей родине?

Я отрицательно покачала головой и в недоумении уставилась на него, ожидая продолжения.

Брахма — так называют паука в Индии. Брахма плетёт паутину всего сущего. Это некая завеса, скрывающая подлинную реальность. Надо было очень сильно чего-то желать, чтобы прорвать эту преграду, и у вас, моя дорогая, это получилось. Он окинул меня восторженным взглядом. — Вот таких, как вы, и называют переселенцами. А перстень — это проводник. Интересно, как он попал к вам?

- Мне подарила его бабушка перед своей кончиной. Этот перстень передавался из поколения в поколение по материнской линии. А как он попал в нашу семью, мне неизвестно. Знаю лишь одно, что наш род до определённого времени носил фамилию де Сансе.

-Получается, что если я найду такой же камень, то смогу вернуться домой. Сквозь тяготившие меня вторые сутки чувства безнадежности и потери стала пробиваться слабенькая, но надежда.

- Теоретически это, конечно, возможно, но должны совпасть многие факторы. Я знаю только некоторые из них: это камень, место и время. К сожалению, баронесса, об остальных мне неизвестно.- Лекарь развёл руками и сокрушённо

покачал головой.

Я огорчённо откинулась на спинку сиденья.

Арджун с жалостью посмотрел на меня. «Катрин, ну не всё так плохо, если посмотреть с другой стороны, вам дана новая жизнь в новом для вас мире, и если хорошо подумать, то ваше попадание сюда несёт некоторый смысл. Возможно, причина, по которой вы находитесь здесь, совсем неслучайна».

- И какая, например? - скептически спросила я.

- Например, что-то исправить, какую-то несправедливость или ошибку ваших предков, вариантов может быть много, - мужчина ободряюще пожал мою руку.

- Возможно, вы и правы, месье, возможно, и правы, - задумчиво ответила я ему, вспоминая недавний сон, и покосилась на рядом лежавшую скрипку.

Мы некоторое время ехали молча, каждый думал о своём.

— Катрин, заранее приношу свои извинения за своё любопытство, но вы не могли бы приоткрыть мне завесу будущего: из какого вы века и кем вы были там? — глаза лекаря загорелись жадной жаждой знаний.

— Я из двадцать первого века, — ответила я, наблюдая за реакцией Арджуна. Глаза его широко распахнулись, и в немом изумлении приоткрылся рот.

Решила сделать небольшую паузу, давая ему возможность переварить услышанное.

— Однако! — громко выдохнув, наконец сказал он.

— Меня зовут Екатерина Тихомирова. Я родилась в России и по профессии врач. — Увидев непонимание в глазах мужчины, я поправилась: — Лекарь. Правда, не знаю, пригодятся ли тут мои знания дерматолога и пластического хирурга. — Я усмехнулась. Арджун смотрел на меня, не отводя взгляда, по его выражению лица было понятно, что его мозг сейчас напряжённо работает в авральном режиме.

Он некоторое время бормотал себе под нос новые для него слова. - Вы учёная? - наконец спросил он.

- Ну, для этого времени скорее да, чем нет, - я утвердительно кивнула головой, улыбнувшись.

- Хирург — это кто?

- Это лекарь, проводящий операции, удаляет, зашивает и многое другое. Хотя у меня немного другая специфика, но сделать кесарево и удалить аппендицит я точно смогу. Правда, без антибиотика выживаемость таких пациентов будет весьма низкая.

- Этим у нас занимаются цирюльники. А что такое антибиотик?

Антибиотик — лекарство биологического происхождения, способное подавлять рост микробов или полностью их уничтожить.

Подумав, решила пояснить: «Микробы — это живые микроорганизмы, живущие везде, простым взглядом увидеть их невозможно. Есть микробы абсолютно безвредные для человека, а есть, например, такие, которые, попадая в открытую

рану, вызывают её воспаление, загноение, и как итог — заражение крови, несущее с собой в последствие смерть пациента».

- А вы сможете такое лекарство воссоздать здесь? - Лекарь даже затрясся, насколько он был сейчас возбуждён от информации, полученной от меня.

- Смогу, если будут условия, для этого мне потребуется лаборатория и плесневелый хлеб, очистить готовое лекарство полностью от примесей нам навряд ли удастся, но всё же своё предназначение оно будет исполнять исправно.

Арджун опять схватил меня за руки. «У вас, Катрин, для этого всё будет, я вас как раз хотел пристроить у своего друга. Месье Марсель держит в Париже аптекарскую лавку и состоит в учёном совете при королевском дворце. У него недавно погибла в родах единственная дочь. Возможно, нам его удастся уговорить справить вам документы на её имя. Да-да, после того как он услышит от вас, что вы можете, он непременно согласится. Непременно согласится», — возбуждённо проговорил он и нервным движением руки взъерошил на голове свои волосы.

- Месье, по правде говоря, я бы совсем не хотела, чтобы кто-либо, кроме вас, знал мою историю о попадании сюда.

- Придумаем что-нибудь, не переживайте, а дальше сами решите, когда поближе с ним познакомитесь, раскрывать ему свою тайну или нет. Он вам непременно понравится, очень занимательная личность, поверьте мне.- Я согласно

кивнула. И он, удовлетворённо улыбнувшись, дружески похлопал меня по руке.

Несмотря на высокую степень эмоционального напряжения и возбуждения, вызванного нашим разговором, физиологическое истощение постепенно брало верх не только меня, но и Арджуна.

Решив обоюдно оставить разговор до завтра, мы оба мгновенно уснули.

— Госпожа баронесса, пора вставать! Завтракать и отправляться в путь, — раздался знакомый голос. Я с трудом очнулась после сна, села и, моргая, осмотрелась. Всё тело ныло после ухабистой дороги. Потянувшись, я размяла затекшие мышцы.

— Катрин, как вы себя чувствуете? — спросил озабоченным голосом лекарь, стоявший возле двери экипажа.

— Сносно, месье, но от нурофенчика или на худой конец аспиричика я бы сейчас не отказалась. У вас случайно не завалялось что-то подобное? — спросила я, улыбаясь, у растерявшегося лекаря и добавила.

— Хинин, господин лекарь, я имею в виду хинин, всё так болит, это просто ужас какой-то. — Я встала и, подав руку виновато улыбнувшемуся мне мужчине, вышла из кареты.

- К сожалению, баронесса, я ничего подобного с собой не брал, - извиняющимся голосом ответил он .

- Забудьте, - махнула я рукой, принимаясь.

Наступило утро. Первые лучи солнца едва-едва коснулись

верхушек деревьев. Карета стояла в лесной чаще неподалёку от дороги. Кучер суетился у костра, от которого исходил восхитительный аромат свежесваренного кофе.

После утреннего туалета я с комфортом расположилась на заранее подготовленном пледе и с удовольствием сделала глоток горячего напитка, который сразу же взбодрил меня. Настроение поднялось, и мир вокруг заиграл новыми яркими красками.

Через некоторое время лекарь отправил кучера немного отдохнуть, а мы с ним неспешно продолжили наслаждаться вкусной едой и вести неторопливую беседу.

— Арджун, здесь случайно разбойники не водятся? — спросила я, настороженно прислушиваясь. — Мне кажется, кто-то скачет.

— Мы едем по тракту Катрин, который ведёт в Париж, здесь довольно оживлённая дорога, — ответил мне лекарь, провожая взглядом промчавшегося всадника, который оставил после себя клубы поднимающейся пыли.

Я продолжала внимательно наблюдать за наездником, и не зря. Всадник неожиданно развернулся и направил коня в нашу сторону.

Мы, не сговариваясь, рефлекторно вскочили на ноги.

Лекарь, не теряя ни секунды, скомандовал: "Катрин, немедленно направляйтесь к карете", - одновременно выхватывая шпагу из ножен, закрепленных на перевязи.

Всадник натянул удила, и конь, встав на дыбы, остановил-

ся.

-Господин лекарь, приветствую вас, чуть мимо не проехал, хорошо, карета с графскими гербами, позвольте представиться, гонец его сиятельства, шевалье Лепаж, — прокричал мужчина, спрыгивая с возбуждённого животного. — У меня послание к вам от графа, господин граф велел вам передать, чтобы вы оставались в его парижском доме до его прибытия. Всадник перевёл на меня подозрительный взгляд и стал внимательно меня рассматривать.

— А что, собственно, случилось, позвольте у вас узнать, месье шевалье, — спросил напряжённым голосом Арджун.

— Случилось, баронесса покончила с собой. Его сиятельство отправил меня с донесением к королю, — так и не спуская с меня глаз, ответил он.

— Как это произошло? — воскликнул лекарь с неподдельным удивлением.

 — Она утопилась. А это кто с вами, месье? — Мужчина, прищурившись, подошёл ко мне.

— Что вы так на меня смотрите, сударь? Своим поведением вы меня смущаете. На мне узоров нет и цветы не растут, — с вызовом сказала я и подбоченилась.

Гонец моментально расслабился и, подкрутив ус, окинул меня уже совсем другим, заинтересованным взглядом, спросив, обращаясь к Арджуну: «Где вы взяли столь прелестное создание, месье лекарь, что-то я таких красоток в замке не припомню».

— Позвольте представить вам, месье, дочь моего друга, мадам Гюлен. Я взял на себя обязанность сопровождать её в Париж и передать в целости и сохранности в руки её заботливого отца. В замке она не служит.

— Гюлен, Гюлен, это не тот ли Гюлен, что держит аптекарскую лавку в центре Парижа? — улыбаясь мне во все тридцать два зуба, спросил он у Арджуна.

— Так и есть, месье.

— Наслышан, мадам, что вы с некоторых пор вдова, примите мои искренние соболезнования в связи с потерей мужа и ребёнка. Но я весьма счастлив, что вы всё же оправились от тяжёлой болезни. Извольте испросить у вас дозволение нанести вам визит в доме вашего батюшки. — Он мне поклонился и, продолжая сиять своей белозубой улыбкой, уставился на меня, ожидая моего ответа.

Я растерянно перевела взгляд на лекаря, совершенно не зная, что ответить гонцу в данном случае.

— Не думаю, что это будет уместно, шевалье, ведь мадам всё ещё в трауре, — пришёл мне на выручку лекарь. Я поспешно отвернулась, стараясь скрыть облегчение, отразившееся на моём лице.

— Приношу свои глубочайшие извинения, сударыня, за свою легкомысленность. Однако я умоляю вас не лишать меня возможности снова увидеть вас.

Он протянул мне руку, я ответила ему тем же, и он, галантно поклонившись, приложился губами к моей ладони.

Быстро распрощавшись с лекарем, шевалье вскочил на коня и уже через мгновение исчез за поворотом дороги.

- Фу, - с облегчением выдохнула я, облокотившись на карету. - На мгновение я уже подумала, что всё, мы разоблачены.

 - Вы вовремя ответили ему, Катрин. Это сняло все его сомнения. Все знают, что баронесса немая.

- Но как нам быть дальше? Ведь он знает месье Гюлена.

 - Не переживайте, дорогая, лекаря знают все, вся знать посещает его, когда возникает потребность в тайном лечении, - Арджун многозначительно поднял брови и усмехнулся.

 - В тайном лечении?

 - Срамные болезни, мадам. Поговаривают, что даже сам король к нему обращался, но я думаю, что это всего лишь сплетни.

А его дочь? Тоже все знают? Я в сомнении покачал головой.

- Месье Гюлен в Париже проживает только последние три года, он служил несколько лет в Индии, хорошо там подзаработал, вернувшись, купил аптекарскую лавку и патент. А Жанна, так звали его дочь, вышла замуж ещё до его отъезда в Индию, полтора месяца назад от лихорадки умерли её муж и сын. Гюлен просил меня её привезти, как только будет возможность попасть в Париж. И вот, — Арджун достал из кармана сюртука свёрнутый лист бумаги. — Читайте, мадам,

два дня назад получил.

В послании говорилось, что у месье Гюлена произошла трагедия: его дочь умерла при родах, которые начались раньше срока. Ребёнок родился мёртвым.

— Ужас какой! И лекарь ничего ещё не знает?

 — Нет, и, к сожалению, вестником её смерти буду я.

 — А родственники что?

 — Только по мужу, у мужа Жанны от первого брака остался сын, и, соответственно, всё имущество её мужа перейдёт ему. Так что, Катрин, вам не стоит беспокоиться. Жанну в Париже никто никогда не видел, а родственнички даже носа показывать не будут, они уже и так всё получили.

- Ну хорошо, а почему вы так уверены, что месье Гюлен согласится выдать меня за свою дочь?

Арджун загадочно улыбнулся и с довольным видом откусил пирожок с мясом. - Как только вы его увидите, дорогая, то сами поймёте.

- Заинтриговали, - ответила я, подойдя к импровизированному столу, взяла жареную тушку цыплёнка и оторвала от него крылышко. Присела на покрывало и, медленно пережёвывая восхитительное мясо, постаралась проанализировать произошедшее здесь.

Если лекарь говорит правду, то всё для меня очень даже удачно складывается. Мне везёт, что уж там, будем смотреть правде в глаза. А если я ещё и метрику получу на руки, то я буду совершенно свободна. Как только я немного освоюсь в

этом мире и пойму, что к чему, можно будет рвануть в Прованс, в поместье, что указано в спрятанной грамоте, подальше от всех, кто знал эту бедняжку, чьё место теперь заняла я.

- Скажите, Арджун, а женщинам разрешено здесь лечить людей?

- Женщина-лекарь? Никогда даже не слышал о таком. Повитуха, да и то это если в сельской местности. Ну или кто не может оплатить лекаря, есть знахарки. Женщин никогда не допустят к учёбе и тем более к практике, дорогая, удел женщин-аристократок — радовать мужа своей красотой и рожать ему наследников.

- Но я теперь не буду аристократкой, так ведь?

- К сожалению, да.

- А вот я совершенно не испытываю никакого сожаления. Я же смогу, например, держать лавку или таверну, будучи простой горожанкой и не замужем?

- Всего лишь в одном случае, если вы вдова, дорогая.

- Отлично!

Лекарь непонимающе посмотрел на меня.

- Если всё получится, как вы говорите, Арджун, то я как раз и буду вдовой и смогу зарабатывать себе на жизнь самостоятельно. Осталось только придумать чем. - Я посмотрела на лекаря, который внимательно меня слушал. - Помнится, вы говорили, месье, что у господина Гюлена есть лаборатория?

- Есть, как не быть, он же аптекарь.

— Это очень хорошо, очень, — сказала я, задумавшись о зарождающейся идее в моей голове. Конечно, моё будущее, как говорится, ещё на воде вилами было писано, но я, привыкшая планировать и продумывать всё заранее, мечтательно улыбнулась.

Мы продолжали движение, почти не делая остановок, чтобы успеть добраться до города засветло. На протяжении всего пути лекарь расспрашивал меня о чудесах моего времени и, цокая языком от восхищения, что-то усердно записывал в свой блокнот в кожаном переплёте.

Когда же я пыталась узнать, кем он был в Индии и как оказался здесь, он сразу же переводил разговор на другую тему. Единственное, что мне удалось выяснить, — это то, что граф оказал ему большую помощь и привёз его с собой во Францию, поселив у себя в замке.

Перекусив в обед, не выходя из кареты, я, сытая и утомлённая разговорами, не заметила, как задремала.

Меня разбудил изменившийся звук колёс — теперь мы явно ехали по мощеной дороге.

Лекарь дремал, я заинтересованно выглянула в окно кареты. Наступали сумерки, моросил дождь. Мы проезжали мимо небольших каменных домов с красными черепичными крышами. По улице спешили неопрятные люди, бегали босые и грязные дети. Вдоль дороги сидели оборванные нищие с протянутыми руками для подаяний. Кое-где стояли фонарные столбы, и у одного из них мужчина устанавливал лестницу, чтобы зажечь фитиль. Было похоже, что мы сейчас передвигались по улицам окраины Парижа. Суета, крики и грязь. В нос ударили зловония, я отпрянула от окна и поморщилась.

Вспомнила очарование аккуратных старинных улочек Парижа из моего мира, пахнущего свежей выпечкой и ароматом кофе .

— М-да, возможно, ближе к центру будет лучше, — прошептала я, но что-то внутри меня подсказывало, что всё будет совсем не так, а, возможно, и намного хуже.

Карету внезапно сильно тряхнуло, с улицы слышались громкие ругательства нашего кучера и ржание лошадей.

— Что, что случилось? — Арджун вскочил спросонья и, ничего не понимая, уставился на меня.

Я в ответ испуганно пожала плечами.

В тот же миг дверь распахнулась, и в неё заглянул разъярённый мужчина лет сорока в запylённой одежде, со шпагой на изготовку.

- Каналья! - заорал он и мгновенно осёкся, уставившись на меня, потом медленно перевёл взгляд на лекаря, и его глаза расширились в удивлении. - Арджун! Тысячи чертей, мои глаза меня подводят, ты ли это, дружище?

- Шевалье Дюссолье, какая встреча! - воскликнул поражённо лекарь и, метнув на меня молниеносный взгляд, вскочил и поспешно вышел из кареты, прикрыв за собой дверь.

- Что это было? - прошептала я ошеломлённо и придвинулась ближе к двери, прислушиваясь к разговору мужчин.

Я только что прибыл и сразу же направляюсь к королю с докладом. Хотел бы также обратиться к нему с просьбой о попечительстве над моей племянницей. Граф Арман, конечно, наидостойнейший из всех, но мы всё же с малышкой Кэтти — родная кровь.

— Шевалье, не знаю даже, как вам и сказать, — проговорил лекарь.

Повисла пауза.

— Что-то случилось еще, пока я был в плаванье? Не томите, месье, говорите.

— Два дня назад по приказу короля мадмуазель Катрин выдали замуж за барона де Сансе.

— Кэтти замуж? Это же полный абсурд! Ничего не пони-

маю. Как такое возможно?

— Это ещё не все новости, к сожалению. В дороге меня нагнал гонец от графа и сообщил, что новоиспечённая баронесса покончила с собой. Примите мои соболезнования, ше-валье.

По двери снаружи кареты ударили, и слышалась отборная брань. От неожиданности я в испуге подскочила и на всякий случай отсела подальше от входа. Голоса отдалились, и о чём говорили мужчины, было уже не разобрать.

— Здрасти приехали, получается, что у меня ещё и дядюшка есть. Тогда почему он меня не узнал? — пробормотала я. — Всё интересней и интересней. Не знаю, хорошо это или плохо, но всё же в данной ситуации я предпочла бы и дальше оставаться круглой сиротой.

Дверь открылась, лекарь сел на своё место, и экипаж тронулся. Я вопросительно на него посмотрела.

— Вы всё слышали? — Я кивнула, ожидая продолжения.

— Это ваш дядя, старший брат вашей матери.

— Почему он меня не узнал?

Лекарь махнул рукой. — Он вас видел за всю жизнь всего несколько раз, насколько я знаю, он никогда не интересовался вашей жизнью. Шевалье постоянно в отъездах по поручению короля. Но вот что странно, известие о вашей кончине его не расстроило, а вот что вас выдали замуж за барона — разозлило сильно, это точно.

- Возможно, дело в наследстве? — предположила я.

- Нет, Катрин, на наследство вашего отца могут претендовать только наследники по его линии, а вы были последним представителем его рода. Здесь что-то другое.

Мы оба на некоторое время задумались. Как вдруг карета опять остановилась, и кучер громко прокричал: «Приехали, господин лекарь».

Я выглянула в окно: на большом двухэтажном здании висела на толстых цепях деревянная вывеска «Трактир тётушки Бено».

- Трактир? - я вопросительно посмотрела на Арджуна.

- Да, сегодня вы переночуете здесь, у мадам Бено, - лекарь слегка замялся и, как мне показалось, немного смутился. - Она моя старая знакомая, и я ей доверяю. А мне надо будет сходить к месье Гюлену и подготовить его к вашему приходу.

- Ладно, - ответила я, стараясь скрыть улыбку. Похоже, у нашего лекаря есть еще одна зазноба, помимо замковой поварихи.

В районе, где мы остановились, было чуть уютней, улицы, конечно, так и оставались грязными, с кучами лошадиного навоза и с текущими нечистотами по неглубоким желобам дороги. Но люди тут были намного опрятнее, одежды были более дорогие, и отсутствовали нищие вдоль дороги. Всё это говорило о том, что район принадлежит, скорее всего, зажиточным горожанам.

Трактир явно пользовалась успехом, светлый интерьер, чистенькие и весёлые подавальщицы, изумительный запах

еды, вызывающий голодное слюнотечение практически с самого порога.

— Катрин, подождите меня здесь, — лекарь проводил меня к свободному столику возле дальней стены. А сам уверенной походкой прошел за барную стойку и исчез в проёме, за навешенном тяжёлой бархатной шторой.

Я, присев за стол, украдкой огляделась. Все столы были практически заняты в основном мужчинами, было несколько разнополых пар, но они сидели в полумраке у стены и старались, как и я, как можно меньше привлекать к себе внимание. Посередине зала веселилась большая компания молодых людей, одетая в дорогую одежду, по изобилию драгоценных украшений можно было предположить, что они принадлежат к дворянскому сословию.

- Господа, выпьем за наше удачное дело! Виват! - выкрикнул один из изрядно подвыпивших господ и залпом осушил кубок.

- Виват! - его дружно поддержали остальные.

Произносивший тост молодой мужчина утёр рот рукавом и довольным взглядом обвёл зал трактира. Его рассеянный взгляд остановился на мне.

Я быстро поправила глубокий капюшон накидки, прикрывая им лицо, и поспешно отвернулась к стене.

— И что это у нас тут за серенький мышонок сидит? — спросил тот же мужчина. Послышался звук отодвигающегося стула и звонкое цоканье шпор, приближающихся ко мне.

 Вот чёрт, где же этот Арджун, если он сейчас не появится, то со мной, простолюдинкой, долго церемониться не будут. Господам не отказывают. Я быстро глянула на стойку, лихорадочно прикидывая ходы побега.

Больше не раздумывая ни секунды, я стремительно поднялась на ноги и бросилась в направлении стойки, но мужчина оказался куда проворнее — он ловко ухватил меня за взметнувшийся плащ и резко дёрнул на себя.

 — Куда ты, мышька, так спешишь? А ну-ка посмотрим, что там за подарочек. — Он развернул меня и сдёрнул капюшон.

 — Ба, господа, да она настоящая красotka! — восторженно воскликнул он и, ухватив меня за волосы, запрокинул мою голову и впился в мои губы поцелуем.

Я начала мычать и вырываться, пытаюсь освободиться. Мужская рука с силой дёрнула меня за косу, от обжигающей боли слёзы брызнули из моих глаз.

 Страх мгновенно уступил место ярости, и я, собрав все свои силы, залепила ему коленом между его широко расставленных ног.

Мужчина взвыл, выпустил меня из крепких объятий и сложился пополам.

Получив свободу, я, не медля, подхватив юбки, помчалась в сторону спасительного проёма.

— Арджун, — кричала я, бегом продвигаясь по тёмному коридору. — Арджун, твою мать! Где ты? — Позади ме-

ня резко открылась дверь, я обернулась — в жёлтой полоске света появился лекарь, спешно заправляя рубашку в бриджи. Вслед за ним выплыло нечто необъятных размеров, утопающее в обилии белоснежных кружев, с белоснежными волосами и такими же белыми ресницами и бровями.

Я на секунду растерялась от необычного вида женщины, залившись взглядом на ней, в замешательстве сказала: — Арджун, меня чуть не изнасиловали, пока ты тут с безешкой развлекался.

Женщина в удивлении широко распахнула глаза. Я, мгновенно поняв, что ляпнула что-то не то, стала поспешно извиняться:

— Мадам, приношу свои извинения, я совсем не хотела вас оскорбить, безешка — это такой воздушный десерт, бесподобно вкусный и тающий во рту, — затараторила я, понимая, что несу несусветную чушь.

Женщина сощурила глаза и, с лёгкостью отодвинув Арджуна в сторону, подплыла ко мне, окидывая меня оценивающим взглядом.

Внезапно за её спиной послышались пьяные ругательства: «Где эта маленькая дрянь, ей не жить, она осмелилась ударить дворянина. Где эта девка?» — орал мужик.

Безешка, не отрывая от меня взгляда, вдруг улыбнулась и промолвила басом, абсолютно не вязавшимся с её пышной и воздушной внешностью: «Арджун, она мне нравится». Бесцеремонно пихнула лекаря ко мне, сказала: «На кухню

быстро», и, развернувшись в сторону продолжающего орать мужчины, поплыла ему навстречу, задевая пышными юбками стены узкого коридора.

— Господа, господа, успокойтесь, прошу вас, будут вам и девки, и вино за счёт заведения. — последнюю фразу она произнесла нарочито громко, и возмущённые ругательства оскорблённого месье утонули в ликующих и восторженных воплях его дружков.

Мы с лекарем расположились в укромном уголке просторной кухни и следили за тем, как проворные официантки сновали туда-сюда с полными подносами. Они забирали заказы и поднимались по лестнице, которая вела в противоположную сторону от той, по которой спустились сюда мы.

— Пока вы, сударь, предавались любви, меня чуть не изнасиловали, возможно, даже чуть не убили, — зло сквозь зубы прошептала я лекарю.

— Простите, баронесса, я хотел за вами сразу же вернуться, но мадам Бено была так настойчива, — пролепетал невнятно Арджун, покраснев до самых ушей.

Со стороны лестницы слышались грузные шаги и басистое причитание.

— Надо продавать трактир и уезжать в деревню на покой, сил больше моих нет, — в проёме появилась мадам Бено, обмахиваясь льняным полотенцем, по её полному лицу струился пот.

Мы с лекарем вскочили и в ожидании уставились на неё.

 - Да не суетитесь вы, присаживайтесь, всё уладила, - она махнула девушке, и та, поняв её без слов, быстро принесла ей стул.

- Ну вы, однако, милая, дали маху, - засмеялась она, с кряхтением присаживаясь. - Знаете, Арджун, что ваше милое протезе сделало? Она залепила сыну виконда де Ла-фарг по мужскому достоинству, - женщина ударила руками по своим коленям и громко расхохоталась. - Милочка, вы мне всё больше и больше нравитесь, но ночевать вам сегодня придётся в моей комнате от греха подальше. - Она, продолжая смеяться, утёрла пот со лба.

Потом, резко замолчав, наклонилась в мою сторону и серьёзно произнесла: «Рецепт знаешь?»

— Простите? — от неожиданности и непонимания, о чём она, спросила её я слегка севшим голосом.

— Рецепт безешки той, о которой ты говорила.

 Я в растерянности кивнула.

 — Приготовить сможешь?

 — Смогу, если у вас есть все ингредиенты.

— Говори, что нужно, — она махнула поварихе рукой, суетившейся возле плиты, подзывая её к себе.

 — Прямо сейчас, что ли? — изумлённо спросила я.

 — А чего тянуть-то!

— Ну ладно, — я покосилась на притихшего лекаря. — Надо два куриных белка и, — я окинула кухню взглядом и увидела бокал нужного размера, и, указав на него, добавила:

— и вот такое количество сахара, а лучше сахарной пудры.

Мадам Бено звонко хлопнула в ладоши. — Все слышали, что нужно за дело!

Помощницы поварихи засуетились. На стол водрузили большой медный таз, в котором лежала прикрытая льняным полотенцем большая головка сахара. Отбив несколько кусочков ножом, одна из девушек поместила куски в мельницу для кофе и быстро перемолола.

— Нужна ещё глубокая миска и венчик, — сказала я, надеясь в душе, что взбивать белковую массу всё же тоже буду не я.

— Отлично, белки в миску и туда же пудру, — сказала я девушке, замерив нужное количество сахара бокалом. — Теперь бери венчик и взбивай до твёрдых пиков.

Девушка в недоумении на меня посмотрела и спросила: «До твёрдых пиков?»

— Взбивай, я тебе скажу, когда будет готово.

— А ещё нужна духовка, — я осмотрела кухню. Был огромный очаг, на вертеле которого жарился поросёнок, а рядом дровяная плита-печь, выложенная из обожжённого кирпича. — А где вы хлеб выпекаете? — спросила я, так и не найдя взглядом что-то похожее на духовку.

— Мы его сами не печём, у булочника покупаемся, — ответила мне мадам Бено. — Но, возможно, вот это подойдёт, — она открыла нижнюю заслонку у плиты. — Туда мы ставим кастрюли с готовой пищей, и она в течение дня всегда

остаётся горячей.

- Ну, в общем-то, подойдёт, безе ещё называют забытым печеньем, оно должно готовиться в остывающей плите часов пять-шесть. - Тогда нам ещё понадобится сковорода, в неё мы выложим пирожное, поставим в печь, и до утра о нём можно будет забыть.

- Так просто? - Мадам в сомнении посмотрела на меня.

- Всё гениальное всегда просто, и поверьте, мадам, оно будет безумно восхитительно на вкус.

В детстве моя бабушка учила меня готовить, и каждое блюдо сопровождалось не только рецептом, но и историей его происхождения, так что в этом времени его ещё точно не изобрели, и меня можно смело назвать человеком, несущим с собой прогрессорство. Моё настроение взметнулось до небес, выпечка разнообразных сладостей было моим хобби, и все рецепты моих любимых пирожных и тортиков я знала наизусть. Если что, можно будет и кондитерскую открыть. В общем, со своими знаниями я тут точно не пропаду.

- Пока достаточно, - сказала я девушке, взбивающей белки. Все с любопытством окружили меня и ждали продолжения. Я немного встряхнула миску, проверяя массу, и аккуратно перевернула ёмкость вверх дном. Послышалось дружное «ах». Взбитый белок остался на месте.

- Ну вот, тесто готово, теперь его можно выкладывать и отправлять на сушку.- Ложкой аккуратно разместила буду-

щие безе по дну большой сковороды, стараясь сделать их аккуратными и одинаковыми, в идеале, конечно, нужен кондитерский мешок или, на худой конец, кулёк из бумаги, но за неимением таковых и так даже очень неплохо получилось.

- Теперь ставим сюда, я засунула руку в углубление под плитой и сразу её отдернула, в нём было достаточно жарко, на вскидку градусов семьдесят точно. - Очень хорошо, - сказала я и, поставив внутрь сковородку, закрыла заслонку. - Теперь ждём шесть часов, и наивкуснейшее лакомство готово.

Я замерла напротив хозяйки трактира, довольно улыбаясь.

— Кто бы мог подумать, такая молоденькая, смышлёная, храбрая девочка, а уже вдова. — Мадам подошла ко мне и ласково прикоснулась к моей щеке. — Я вот тоже рано овдовела, бог детей не дал, второй раз замуж решила не выходить, а вот на вас, милая, смотрю и теперь жалею об этом. От такой доченьки я бы точно не отказалась. Ну ничего, ничего, батюшка ваш подыщет партию достойную вас, а если что, так и я подсоблю.

— Ну уж нет, спасибо, замуж в ближайшее время я точно не собираюсь. — Фыркнула я и сразу же осеклась. Все, кто был в кухне, замерли и изумлённо уставились на меня.

— Слишком тяжки воспоминания. — Быстро поправила я себя, низко опустила голову и притворно всхлипнула. По кухне пронеслись сочувственные охи. Вот я дурында, надо

следить за языком, в этом времени любая девушка стремится выйти замуж и получить опору и защиту в виде мужа... Ну или, по крайней мере, покровителя.

Если ты одна, то у тебя нет ни прав, ни денег, да и шансов просто выжить становится значительно меньше.

Внезапно на верхнем этаже раздались крики, послышался звон разбивающейся посуды и грохот падающей мебели.

— Что там за шум? Жаклин, сбегай разузнай, — приказала хозяйка трактира девушке.

Не успела помощница поварихи сделать и шагу, как по ступеням сбежала, истерично вопя, подавальщица.

 — Мадам, дворяне устроили драку. Нашего вышибалу шпагой закололи, и ещё кого-то, там такое творится, они требуют вас. — Девушка закрыла лицо руками и разрыдалась.

 — Да чтоб тебя, так я и думала, жди с ними беды. Арджун, нужно срочно позвать гвардейцев. Сможешь?

 Лекарь с готовностью кивнул.

 — Иди через чёрный ход, выйдешь на хозяйственный двор, возмёшь там лошадь. Гвардейцы стоят через два квартала отсюда.

Арджун бросился к лестнице, ведущей в тёмный коридор, из которого мы пришли ранее.

 Крики и вопли становились всё громче, я принялась — запахло гарью.

 — Пожар! — кто-то завопил наверху. Девушки завизжали и в суматохе кинулись к лестнице, по которой совсем недавно убежал лекарь.

Я в растерянности стояла и смотрела на побледневшую мадам Бено, которая рухнула на стул и схватилась за грудь в области сердца, губы на её белом лице посинели.

— Чувствую, милая, что мне отведать твоих безешек в ближайшее время так и не удастся. Что встала, беги за девушками, а то заплутаешь.

— А как же вы? Я вас не оставлю. — Я подбежала к ней и схватила её за руку. — Обопритесь на меня, мадам, я вам помогу.

— На всё воля божья, деточка, беги, я немного посижу, отпустит, и я сразу же приду вслед за вами. — Она ободряюще похлопала своей ладонью мне по руке.

Всё сильнее пахло дымом, на верхнем этаже послышался треск. Помочь такой тучной женщине подняться по лестнице у меня точно не хватит сил.

 — Я за мужчинами, мы вытащим вас, — я вскочила и, не теряя времени, помчалась к лестнице.

 — Подожди, — раздался позади меня слабый голос мадам Бено. Я обернулась, женщина встала и медленно пошла ко мне.

— Возьми, возможно, тебе пригодится, — она сняла с шеи серебряный кулон. — Это печать гильдии трактирщиков, в которой я состою, при предъявлении этого все права, закреп-

лённые за мной, перейдут к тебе, и вот ещё, — она покопалась в юбке и достала бархатный увесистый мешочек. — Спрячь в корсет это золото, а теперь беги, — она осела на ступеньки, пот струился по её лицу, дыхание стало тяжёлое и прерывистое.

 — Мадам, — я присела возле неё.

 — Беги, говорю, быстро! — зло выкрикнула она и с силой оттолкнула меня.

Огонь уже распространился по коридору, из-за плотного дыма ничего не было видно. Я приподняла подол платья, защитив им лицо, и медленно пошла на голоса, которые, судя по всему, доносились с улицы.

Коридор казался бесконечным, глаза слезились, дышать становилось всё труднее.

— Катрин, Катрин! — услышала я голос лекаря, который, отчаянно вопя, звал меня по имени.

- Я здесь! - громко выкрикнула я, собрав последние силы, и закашлялась. Голова закружилась, и я почувствовала, что вот-вот упаду в обморок. Собравшись с духом, я рванулась вперёд. Чьи-то руки подхватили меня в последний момент, прежде чем я провалилась в безмолвную темноту.

- Плохой я отец, Арджун, если бы я тогда не согласился на брак моей малышки Жанны, то моя дочь сейчас была бы жива, - тихо сказал мужской голос с горечью и болью.

- На всё божья воля, дорогой мой друг, тут нет твоей вины,

- ответил ему знакомый голос лекаря. - Юная баронесса тоже осталась одна, я помогаю ей, но я связан словом с графом, ты же знаешь, мне скоро придётся вернуться.

- Да, девочка попала в сильную передрыгу, будь она моя дочь, я бы всё сделал, чтобы её спасти. Арджун, она так удивительно похожа на Жанну, - голос мужчины дрогнул, и кто-то убрал локон волос на моём лице.

Я лежала, прислушиваясь к разговору двух мужчин, стараясь не шевелиться. Болела голова, но в общем состояние моё было более-менее сносно. Главное, жива осталась. Мадам Бено, скорее всего, так не повезло, как мне, с горечью подумала я, и горло сжалось в спазме, вызвав сильный кашель.

Я инстинктивно закрыла рот рукой и распахнула глаза. Рядом с кроватью, где я лежала, стояли лекарь и незнакомый пожилой мужчина с огненно-рыжей шевелюрой и такими же усами, торчащими в разные стороны.

— Катрин, слава богу! Как вы себя чувствуете? — спросил меня обеспокоенным голосом Арджун.

— Спасибо, хорошо, — ответила я ему и улыбнулась, продолжая рассматривать забавную внешность рыжего месье.

— Вот, дорогая, выпейте, это отвар из трав, он смягчит ваше горло и поможет быстрее очистить кровь от угарного газа. — Арджун помог мне присесть и подал кружку с жидкостью, пахнувшей валерьяной, пустырником и мелиссой.

Я сделала глоток ароматного настоя. «Благодарю», — про-

изнесла я, намереваясь задать вопрос, ответ на который был мне известен, но всё же я надеялась на чудо.

 — Мадам Бено? — с надеждой в голосе спросила я.

 Арджун покачал головой и отвернулся, скрывая увлажнившиеся глаза от слёз.

 Месье Гюлен перекрестился. «Хорошая женщина была, упокой господь её душу».
 - Виновных накажут?

- Да кто же их накажет? У мадам родни не было, суда над виновниками просить некому. Да если б и были, кто против этих дворян выступит, ещё и виноватым останешься. Месье Гюлен покачал головой.

 - Приношу извинения, баронесса. Я сразу не представился, к вашим услугам, месье Гюлен. Мужчина слегка поклонился.

 - Очень приятно, месье, только я теперь не баронесса. Можно сказать, что я никто. Я усмехнулась. - Зовите меня по имени, мне будет весьма приятно.

- Арджун мне рассказал вашу историю, и я, всё взвесив, решил вам помочь и сочту за честь назвать вас своей дочерью.

Я удивлённо заморгала, совсем не ожидая, что мой вопрос сможет решиться так легко, и перевела взгляд на Арджуна.

 — Мой друг, уверяю вас, вы никогда не пожалеете о своём решении. Баронесса — это кладезь знаний и умений, она принесёт славу вашему имени, вот увидите, — лекарь довольно потёр руки. — Месье Гюлен, вы сняли огромную

тяжесть с моих плеч.

- Катрин? Что скажете?

- Я даже и не знаю, как выразить свои чувства, - я растерянно переводила взгляд с одного мужчины на другого. - Это так неожиданно, вы спасаете меня, месье, в прямом смысле этого слова, я так вам благодарна. - Слёзы потекли из моих глаз.

 - Ну-ну, милая, не стоит, всё будет хорошо. Сегодня же справлю вам документы. А сейчас извините меня, пойду распоряжусь насчёт завтрака. - Месье Гюлен поклонился и вышел из комнаты.

Сегодня ровно две недели, как я стала Жанной Гюлен, дочерью известного аптекаря. За это время я полностью преобразилась.

 Я избавилась от прыщей, осветлила брови хной и аккуратно их выщипала, сделав их тонкими. Благодаря правильному питанию и спокойному образу жизни на моих щеках появился здоровый румянец.

Теперь во мне было бы весьма затруднительно узнать болезненную и немую Катрин де Сансе.

С аптекарем мы очень быстро нашли общий язык, настолько быстро, что мне порой начинало казаться, что я и в правду его дочь, просто я об этом забыла, а сейчас неожиданно вспомнила. Он не спрашивал, откуда у меня такие познания в медицине, а я в свою очередь с благодарностью делилась с ним всем, о чём знала. Порой мы вместе просиживали в аптекарской лаборатории до утра, доводя его лекарства до совершенства.

Сегодня я выгнала первый самогон, пока очень маленькую ёмкость, используя имеющиеся приспособления в лаборатории. Но дальнейшие планы у меня на этот счёт были грандиозные.

 — Вот, это отличный антисептик, называется самогон, — я поболтала на свет неполную колбу прозрачной

жидкости и дала понюхать аптекарю. — Не спирт, конечно, но спиртовые настойки, микстуры и примочки можно будет смело делать, и цена на наши лекарства взлетит до небес, — и я, очень довольная собой, подмигнула старику.

- Жанна, ты меня поражаешь всё больше и больше! - в восторге воскликнул аптекарь.

- Это ещё не всё, мне потребуется много новых лабораторных вещей. Хочу заняться кое-каким лекарством, которое, я надеюсь, спасёт многие жизни.

 Месье Гюлен смотрел на меня как на чудо, глаза его сияли в предвкушении нового и неизведанного.

 - Вот я набросала будущий самогонный аппарат и вот такие медицинские инструменты. - Я протянула мужчине два исчерченных листка бумаги.

Нам нужен кузнец-жестянщик, лучший в своём деле. Медицинские инструменты — тонкая работа, есть такой на примете?

- Есть, он и кузнец, и ювелир в одном лице, месье Блюмин, сегодня после обеда можно будет к нему наведаться.

- Отлично, и ещё бы нам оформить патент на все новые медицинские инструменты. И это очень желательно! Самогонный аппарат и его использование мы пока будем держать в секрете, есть у меня задумка, как его применить ещё помимо медицинских целей.

Я была полна энергии. Неожиданно во мне проснулась предпринимательская жилка, которая, похоже, передалась

мне от родителей. Все свои идеи и задумки я стала записывать, и число исписанных листов с проектами перевалило за сотню. Я хотела стать богатой и независимой женщиной, и чем быстрее это произойдёт, тем лучше.

В аптеке раздался звон дверного колокольчика, возвещая о приходе первого утреннего посетителя, и я поспешила к прилавку.

— Месье лекарь, как я счастлива видеть вас вновь! — воскликнула я радостно и сразу же осеклась. Арджун многозначительным взглядом показывал на статного мужчину, стоявшего к прилавку спиной и разглядывающего высокую стеклянную витрину, в которой стояли шампуни и крема. Витрину только вчера установили по моей инициативе и моему личному проекту.

 — Как интересно, никогда такого раньше не видел, — сказал смутно знакомый голос.

Мужчина повернулся и замер, уставившись на меня, моё сердце пропустило удар, и меня мгновенно обдало жаром. Передо мной стоял граф собственной персоной.

 — Ваше сиятельство, позвольте вам представить мадам Гюлен, — сказал Арджун.

 Опомнившись, я присела в реверансе, руки предательски тряслись, в голове проносились мысли моего разоблачения и варианты его последствий.

 — Весьма рад знакомству, сударыня. Я раньше нигде не мог вас видеть? — граф продолжал пристально на меня

смотреть.

— Полагаю, что нет, ваше сиятельство. Я только недавно вернулась из провинции, я бы обязательно запомнила встречу с таким сиятельным господином, как вы, сударь, — ответила я как можно беззаботнее и опять присела в реверансе.

- Да, скорей всего. Вы напомнили мне одного человека, перед которым я сильно виноват... - Он прервал свою речь, и его взгляд стал отрешённым, словно он смотрел куда-то сквозь меня.

Мы замерли, каждый думая о своём.

 - О, господин граф, какая честь, вы осчастливили нас своим визитом! - Внезапно раздавшийся голос месье Гюлена вывел всех нас из оцепенения. - Чем могу быть вам полезен?

 - Месье Гюлен, - граф кивнул в ответ на приветствие аптекаря, наконец оторвав от меня взгляд. - У меня к вам весьма деликатное дело. Мы бы могли с вами переговорить об этом деле наедине.

- Разумеется, ваше сиятельство, прошу вас пройти в мой кабинет, — аптекарь галантно распахнул дверь, ведущую в соседнее помещение, и трое мужчин вошли внутрь. Арджун, шедший последним, обернулся и заговорщицки мне подмигнул.

Фу, — наконец выдохнула я, разжав руки, которые всё это время нервно сжимали мою юбку.

Он меня не узнал, превосходно, теперь можно спокойно выходить из дома. Я присела на высокий стул, испытывая

невероятное облегчение и в то же время какое-то тоскливое чувство, сидевшее занозой где-то глубоко в душе.
Звякнул дверной колокольчик, отвлекая меня от раздумий.
— Где месье Гюлен? — прокричал ворвавшийся мужчина в гвардейской форме. Руки и рукава камзола гвардейца были в крови.
— Что случилось, месье? — Я вышла из-за прилавка ему навстречу. — Вы ранены? Присядьте. — Я указала на кушетку, стоявшую возле стены.
— Нет-нет, сударыня, не я, там девушка, ей надо помочь. — Молодой мужчина явно находился в шоке. — Она так неожиданно выскочила, я даже не успел среагировать, она попала под копыта моего коня.

— Она в сознании? — Я окинула его взглядом. Помимо рук, гвардейский плащ тоже был сильно измазан кровью. Возможно, время шло на секунды.

— Нет, с ней остался мой друг.
— Далеко отсюда?

— В начале улицы, сударыня. Ей помогут? У меня есть деньги, я заплачу. — Молодой человек умоляюще схватил меня за руки.

- Хорошо, я сейчас, только предупрежу отца.

Я без стука открыла дверь кабинета. - Приношу свои извинения, господа. Отец, понадобится смотровая, человек попал под копыта лошади и истекает кровью. - Быстро протараторила я и, оставив ошеломленных мужчин своим внезапным появлением, выскочила на улицу вслед за гвардейцем.

Многочисленная толпа окружила лежавшую на каменной мостовой девушку.

 Гвардеец разогнал зевак, пропуская меня к ней.

 Поверхностных повреждений у женщины практически не было, но лужа крови под её юбкой и серый цвет лица говорили о том, что дело плохо. Скорее всего, она беременна, определить срок практически невозможно, так как она была затянута в корсет.

 «Несите её в аптеку, быстро», — скомандовала я и понеслась обратно готовить смотровую и инструмент.

Девушку уложили на кушетку, я быстро разрезала корсет. Так и есть, беременна, и срок у неё где-то месяцев семь, возможно, и больше. Девушка была достаточно пышных форм. Я приложила ухо к животу, сердцебиение плода не прослушивалось.

— Похоже на отслойку плаценты, если мы сейчас не примем срочных мер, мы потеряем мать, ребёнка, скорее всего, уже мёртв, — я посмотрела на замерших людей, в изумлении вззирающих на меня.

— Отец, Арджун, мне понадобится ваша помощь, всем остальным покинуть помещение, — приказала я тоном, не терпящим возражений, и, разорвав простыню, обвязала себя, как фартуком. И стала усердно намыывать руки мылом.

— Я сказала, посторонним всем вон, — уже проорала я, так и стоявшим в оцепенении графу и двум гвардейцам. Как только за ними закрылась дверь, я приступила к внутренне-

му осмотру.

— Так и есть, отслойка. Придётся кесарить. Будете мне ассистировать, — несмотря на Арджуна и аптекаря, сказала я, стараясь мысленно вспомнить точную последовательность операции. Практики у меня не было, но как делается кесарево, я наблюдала не раз. Жаль, у меня ещё нет всех хирургических инструментов, но ничего не поделаешь, будем работать с тем, что есть.

Я разложила хирургические инструменты на белой стерильной салфетке. М-да, негусто, отец, мне нужны хирургические крючки, четыре штуки. Вы бы не могли пожертвовать серебряными обеденными вилками? Их надо согнуть в форме буквы Г, где зубцы переходят в ручку, и простерилизовать.

**
**Аптекарь, не задавая вопросов, метнулся за дверь.

— Арджун, вот эту смесь, — я показала на бутылку с бумажной этикеткой, на которой было написано «эфир», — надо будет капать на салфетку и приложить пациентке на ротоносовую полость, как только заметите, что она приходит в себя, десяти капель, я думаю, будет достаточно.

— Итак, приступаем. Мужчины беспрекословно стали выполнять всё, что я им говорила.

Зафиксировав девушку верёвками, я обработала кожу живота самогоном и приняла решение делать вертикальный разрез, матку при таких условиях и отслойке сохранить не удастся.

— Я делаю надрез от пупка вниз, — объясняя свои действия, сказала я. — Разделяю мышцы и ткани. Отец, Арджун, помогите мне, раздвиньте ткани в стороны вилками. Прекрасно, теперь я вижу матку. Вскрываю матку. Отец, вставляйте трубку и начинайте отсасывать околоплодные воды. Хорошо, теперь аккуратно вынимаем плод.

Ребёнок был синюшный, но, на удивление, сердечко у младенца билось. Я перерезала пуповину.

 — Арджун, переверните ребёнка вверх ногами и постарайтесь очистить его ротовую полость от слизи, как только это сделаете, кладите на стол и начинайте своим ртом вдыхать в его рот воздух. Выполняйте, — сказала я, не отрываясь от операции.

— Так, теперь удаляем матку, отец, всю кровь в брюшине тоже надо отсосать по максимуму. Хорошо, теперь шьём. Когда я накладывала последний наружный шов, громко заголосил младенец и застонала роженица, приходя в себя.

- Арджун, эфир, пусть поспит, - сказала я, делая последний узел.

Ну вот и всё, — я обработала самогоном шов и прикрыла его льняной салфеткой.

— Мадам, то, что вы сейчас проделали, это чудо, невероятное чудо. Они будут жить? — Аптекарь присел на табурет и не сводил с меня восхищённого взгляда.

— На всё воля божья, если бы были антибиотики, я была дала прогноз девяносто девять процентов, а так — пятьдесят

на пятьдесят, но всё, что от меня зависело в этой ситуации, я сделала. Будем надеяться, что у девушки сильный иммунитет и всё закончится хорошо.

— Так и кто же тут у нас такой горластый? — Я подошла к младенцу и тщательно его осмотрела, обработала пуповину, провела оценку по шкале Апгар. Неплохо, совсем неплохо, почти все показатели соответствовали норме. — Отец, нужна теплая вода и пелёнки для этой милой малышки.

Измерила пульс у роженицы. Несмотря на большую кровопотерю, состояние девушки было более-менее сносно.

Я присела на стул и только сейчас осознала: всё, что я проделала здесь и в таких условиях, это просто нереально. У меня затряслись руки, и я всхлипнула, почувствовав, что мной начинает овладевать паника, заметавшийся взгляд упал на стоявшую колбу с самогоном, на ватных ногах подошла к столу и, громко выдохнув, сделала большой глоток из сосуда. Обжигающая жидкость, попав в желудок, быстро побежала по венам, разнося тепло и расслабленность моему телу.

— То, что нужно, — сказала я и, опять громко выдохнув, сделала ещё один глоток для верности.

Возможно, алкоголь и не является наилучшим средством для успокоения, но в моём случае он оказал на меня необходимый эффект, вернув мне работоспособность и, как бы смешно ни звучало, трезвость мысли.

— Надо бы найти родственников этой девушки, — сказала я, рассматривая её одежду. Платье было явно не из дешё-

вых, драгоценных украшений на ней практически не было, кроме серебрянного крестика на груди и небольших золотых серёжек с маленькими синими камушками.

— Да, да, я этим займусь, — аптекарь посмотрел на меня с обожанием и вышел из помещения.

— Баронесса, у меня нет слов, такие операции если и делают, то только для того, чтобы спасти ребёнка, а мать порой даже и не зашивают, так как в большинстве случаев она уже мертва. Я повторю слова месье Гюлена: вы совершили чудо.

— В моём времени, дорогой Арджун, это рядовая операция, многие роженицы идут сознательно на неё, чтобы избежать мук родов. Но я повторяюсь, вероятность, что девушка выживет, не очень большая. Так что пока нам остаётся только молиться за неё.

Я обмыла ребёнка, завернула в пелёнку кряхтящий комочек, потом занялась туалетом матери, закончив, накрыла роженицу простынёй и попросила Арджуна принести одеяло. Замочила хирургические инструменты в мыльном растворе.

За дверью послышался шум и возбуждённые голоса.

Я подошла к двери и прислушалась. «Где она?» — визжал женский голос. «Она сбежала, не заплатив мне за два месяца, кто покроет мне мои убытки?»

Вернулся Арджун, войдя в смотровую из смежного помещения, ведущего в лабораторию, с шерстяным одеялом и, накрыв роженицу, встал рядом со мной.

— Что там происходит? — спросила я лекаря.

 — По всему, девушка, которую вы спасли, из увеселительного дома мадам Карно.

 — Она что, прости... — я замялась, — она из легкодоступных женщин?

 — Получается, что так, — с сомнением в голосе ответил мне Арджун. Я подошла к девушке и посмотрела на неё внимательней. От силы лет восемнадцать, руки белоснежные, не знавшие тяжёлого труда, чистенькая, ухоженная. Я, конечно, раньше никогда не сталкивалась с женщинами лёгкого поведения, но по информации, почерпнутой из книг и кинофильмов, могла смело сказать, что она очень далека от таких особ. Девушка была полновата, но тонкие черты лица говорили о породе и о том, что она, возможно, из достаточно богатого сословия, а возможно, и из дворян.

— Она совсем непохожа на гулящую, мне кажется, что мадам Карно врёт, — сказала я лекарю. Арджун согласно кивнул.

 Крики склочной женщины усилились.

 Мы переглянулись с лекарем и, открыв дверь, вышли в торговый зал аптеки.

— В чём дело, отец? — Я приблизилась к аптекарю и встала рядом с ним.

 Напротив него стояла полная женщина в ярком, кричащем от вульгарности платье с глубоким вырезом, который почти полностью обнажал её пышный бюст, украшенный множеством нелепых цветов. Её раскрасневшееся лицо,

расплывшееся от жира, с большой чёрной мушкой на щеке и ярко накрашенными губами, выражало гнев.

 Вульгарная особа резко замолчала и окинула меня заинтересованным взглядом.

- Девочка при смерти и, скорей всего, до следующего утра не доживёт, - громко сказала я ей, сделала шаг вперёд, нахмурила брови и стала буравить женщину подозрительным взглядом.

Мадам слегка растерялась и быстро оглянулась назад. Проследив за её взглядом, среди зевак, толпившихся в дверях аптеки, я заметила молодого мужчину, который поспешно надвинул шляпу на глаза и мгновенно исчез из поля зрения.

- Мне всё равно. Она мне должна деньги, - уже не так уверенно пробормотала женщина.

- Сколько она вам задолжала, мадам? - К нам подошёл граф, который до этого незаметно стоял в тёмном углу, подпирая стену.

- Эээ, золотой, ваше сиятельство, - выпалила мадам и расплылась в слащавой улыбке.

- Вот два, и забудьте сюда дорогу. - Граф с презрением сунул деньги в протянутую руку мадам, обтянутую сетчатой перчаткой.

- Намного вам благодарны, ваше сиятельство, - залебезила женщина, кланяясь.

Перевела взгляд на меня, прищулив один глаз, и с при-

творным сожалением сказала: - Значит, помрёт деваха-то, ну что делать-то, на всё воля божья, видать, судьба её такая.- Неожиданно мне подмигнув и ухмыльнувшись, мадам резко развернулась и пошла к выходу, распахивая толпу локтями, бубня бранные слова каждому второму.

Из смотровой слышались стоны, и я мгновенно позабыл о странном поведении хозяйки борделя, поспешил к пришедшей в себя пациентке.

- Где я? - еле слышно прошептала девушка.

- Всё хорошо, вы в аптеке месье Гюлена. Вы попали под копыта лошади.

- А ребёнок? - девушка положила руку себе на живот и, посмотрев на меня глазами, полными ужаса, попыталась встать.

- Всё в порядке, вам нельзя вставать, нам пришлось сделать вам операцию, ваш ребёнок жив, - сказал я ей, настойчиво укладывая её обратно. - У вас родилась прекрасная девочка, милая, если вы обещаете мне лежать спокойно, то я вам её сейчас покажу.

- Девушка беззвучно заплакала и счастливо закивала головой.

— Благодарю вас, сударыня. Я в неоплатном долгу перед вашим отцом и вами, — девушка ухватила меня за руку и неожиданно поцеловала тыльную сторону моей ладони.

— Да что вы, милая, прекратите. — Я аккуратно освободила свою кисть. — Вы главное поправляйтесь, вот самая

большая благодарность нам. Я бы хотела знать ваше имя, дорогая.

— Марго, сударыня.

- Хорошо, Марго, сейчас я вам дам настойку, и вы поспите, сегодня вы останетесь в этой комнате, вам сегодня нельзя вставать, о малышке я позабочусь, не беспокойтесь. А завтра мы переведем вас в комнату для гостей, и я буду ждать вашего рассказа о вас, чтобы найти ваших близких. — сказала я девушке, которая вдруг от моих слов неожиданно побледнела.

- Вам больно? Сейчас выпейте лекарство и поспите, во сне выздоровление пойдет намного быстрее. Я положила ребеночка на стол и, взяв приготовленную настойку опиума, напоила ей пострадавшую.

Скрипнула дверь в смотровую, вошли граф, аптекарь и Арджун.

- Как она? - подходя ко мне, спросил доктор.

Пока трудно судить, завтра всё будет ясно.

- Мадам Гюлен, я могу вам чем-нибудь быть полезен? — спросил меня граф, подошедший к столу и с интересом рассматривающий младенца.

О да, ваше сиятельство, если у вас есть на примете женщина, которая смогла бы мне помочь с младенцем, даже пускай она будет совсем немолода, я бы была вам очень благодарна. Главное, чтобы она любила детей. — И я лучезарно улыбнулась графу и добавила: — Приношу свои извинения,

что была несколько груба с вами ранее.

Мужчина, как ни старался сдерживать улыбку, всё же улыбнулся мне в ответ: «Оставьте, сударыня, я всё понимаю, вы боролись за жизнь человека, и это восхищает, надо признать, что вы истинная дочь своего отца, искусного врачевателя». Граф подошёл ко мне и поцеловал мою руку.

«Арджун, сегодня же отправь в замок гонца, пусть приведут Мари в помощь мадам Жанне». — обратился он к лекарю.

«Приношу свои извинения, мадам, месье, но нам пора». — Его сиятельство, слегка склонив голову, быстро вышел из смотровой.

«Мадам, я обязательно к вам сегодня ещё загляну». — прошептал проходя мимо меня Арджун и спешно проследовал вслед за графом.

Ну надо же, как всё удачно складывается, если граф имел в виду мою нянюшку, то это просто великолепно! Я присела на стул.

— Отец, а зачем, собственно, сегодня нас посетил граф? — спросила я, вспомнив об их уединении в кабинете аптекаря.

— Очень интересное и ответственное дело мне предложил его сиятельство, — глаза месье загорелись, и, взяв стул, он присел на него напротив меня.

— У нашего короля есть болезнь, о которой не распространяются и держат в тайне, — тихо сказал он мне.

— Срамная, что ли? — я засмеялась.

— Да бог с тобой, Жанна, — засмеялся в ответ аптекарь.

— У его величества свищ, — и он указал пальцем себе на мягкое место.

— Как интересно, и что же?

— Такие операции никто никогда раньше не делал. Да и кто возьмётся, это же сам король. Если что случится, то всё, того, — он провёл ладонью по шее, закатив глаза.

— Так вам граф предложил прооперировать короля?

— Да, они ищут лекарей, кто сможет провести эту операцию. Но пока безуспешно. Людовик уже и сидеть не может, предлагают большую сумму денег и всевозможные регалии.

— Ну, операция на самом деле не такая и сложная, всё зависит от типа свища. Нужен личный осмотр. Я бы смогла это сделать, но вы сами понимаете, меня никто не пустит. Можно вас научить, если вы найдёте пациентов с аналогичным заболеванием, если вы готовы, конечно, взяться за это дело.

Глаза аптекаря загорелись, он вскочил и заходил нервно по смотровой.

— Жанна, вы думаете, всё получится?

— Не сомневайтесь, попрактикуемся, и вы это сможете сделать с закрытыми глазами. Но мне потребуется точная зарисовка вашего обследования и некоторые хирургические предметы, но какие, я смогу сказать только после осмотра пациента. И ещё сегодня надо срочно отдать на изготовление всё, о чём я говорила вам ранее, хотелось бы скорее присту-

пить к изготовлению лекарства, тогда с ним исход операции и её последствия гарантированы стопроцентным успехом.

Заплакал младенец. Опыта с детьми у меня не было от слова совсем.

— Месье, что будем делать, его надо покормить, а его мать в ближайшее время будет не в состоянии, возможно, у неё даже не будет молока. — Думать о том, что она просто не сможет выжить, мне не хотелось, и я старалась настойчиво гнать эту мысль от себя.

— Может, нам взять кормилицу на какое-то время? — предложил аптекарь, также как и я, в растерянности.

— Возможно, ваша повариха знает, кто недавно родил. Нам хотя бы на первое время, а там решим. — Сказала я мужчине, самой общаться с приходящей кухаркой мне совершенно не хотелось. В наше первое знакомство женщина дала мне понять, чтобы я на кухню и носа не совала, и всё это проделала в весьма грубой форме. Впечатление она производила весьма неблагоприятное: вульгарная, неопрятная, да и её стряпня оставляла желать лучшего. Я намекала аптекарю на её замену, но он как-то небрежно отмахнулся, сказав, что его всё устраивает.

Вот и сейчас он сразу засуетился и, сказав, что убегает по нашим с ним делам, спешно вышел из комнаты, что-то бормоча себе под нос.

Я усмехнулась, создавалось впечатление, что он её просто-напросто боялся.

— Ну ладно, сама так сама, — сказала я вслух, вздохнув, взяла младенца на руки и уверенным шагом направилась на кухню.

С кухни тянуло чем-то подгоревшим, рыбными потрохами и помоями. Я притормозила возле двери и прислушалась. Доносились голоса, и диалог, который они вели, вряд ли можно было назвать дружелюбным.

 — Нет у меня сейчас денег, ты же знаешь, у хозяина дочь объявилась, везде свой нос суёт. С кухни я её спровадила, а вот за аптекарской выручкой теперь она смотрит, каждый луидор подсчитывает. Даже мне на покупку продуктов деньги она выдаёт. Так что пока только едой возьмёшь, а я что-нибудь вскорости придумаю, не переживай.

— Мне-то что переживать? Хромому ты деньги должна, не я. Моё дело маленькое: забрал — отдал, но я тебе скажу, что терпение у него заканчивается, ты же знаешь, у нас во «Дворе чудес» не любят, когда своих бросают, поняла?

 — Поняла, сказала же, я что-нибудь придумаю, — пробурчала повариха.

 — Ну всё, бывай, на следующей неделе приду, и если денег не будет, пеняй на себя, у хромого разговор короткий: ножичком по горлышку и в Сену. — Мужчина засмеялся, хлопнула дверь, и через мгновение послышались женские всхлипы.

Немного подождав, я распахнула дверь и вошла в вонючее помещение.

 — Добрый день, мадам, — проходя на кухню, поздоровалась я с поварихой.

 — Добрый, чего надо? — зло ответила она мне и посмотрела на меня взглядом, полным ненависти.

Когда я стояла за дверью и слушала беседу кухарки с неизвестным господином, прониклась к ней жалостью и сразу же подумала о том, что следует разузнать у неё о её проблемах и, возможно, оказать ей помощь и финансовую поддержку на правах хозяйки. Но её поведение и этот её взгляд мгновенно заглушили во мне всё моё изначально возникшее доброжелательное отношение к этой особе. Решив с ней более не расшаркиваться, сказала надменным тоном:

— Мне нужно молоко, и быстро.

 — Я вам, мадам, не корова, вымени у меня нет, — противно засмеялась повариха и выплеснула рыбки потроха в лохань, у которой стояла я. Кишки плюхнулись в почти полную ёмкость помоев, обдав меня зловонными брызгами. Кухарка усмехнулась и, уперев руки в бока, посмотрела на меня с вызовом.

От такого бесцеремонного, наглого поведения женщины я на секунду оцепенела. Глубоко вдохнула и, пытаясь успокоить бурлящую во мне ярость, досчитала до десяти. Сщурила глаза и сказала нарочито доброжелательным голосом: «Не стоило этого делать, дорогуша». И, резко развернувшись, быстрым шагом покинула кухню.

Вдогонку мне послышался издевательский смех и ехид-

ные слова поварихи: «А то что?»

Я остановилась. Негодование во мне кипело с такой силой, что моим первым желанием было вернуться и залепить чем-то увесистым по наглой физиономии поварихи. Но спящий младенец, пригревшийся на моих руках, остановил меня от столь опрометчивого поступка. Я через силу заставила себя молча продолжить свой путь.

Надо что-то делать, и срочно, есть приготовленную еду этой женщиной я точно теперь не буду, и дело совсем не в том, что её еда омерзительна на вкус, теперь, когда я случайно подслушала её разговор, наши жизни с месье аптекарем, скорей всего, висели на волоске. Повариха стояла перед выбором, озвученным её собеседником, и этот выбор, исходя из её поведения, был явно не в нашу пользу.

— Мадам Гюлен, — неожиданно раздавшийся мужской голос заставил меня вздрогнуть и мгновенно вывел меня из задумчивости.

Погружённая в свои мысли, я не заметила, как дошла до торгового зала аптеки. В кресле сидел тот самый гвардеец, под копыта лошади которого попала Марго. Мужчина вскочил и, неловко теребя шляпу в своих руках, подошёл ко мне.

- Мадам, я бы хотел узнать, как там девушка, и вот, — он протянул мне кожаный мешочек.

- Что это? — спросила я.

- Это деньги на её лечение, я виноват перед ней, — он посмотрел на младенца. — Он её?

- Да, — ответила я, задумчиво рассматривая молодого человека от силы лет двадцати с добрыми серыми глазами. В голове стал вырисовываться план моих последующих действий.

- Не надо этого, — я отвела его руку с кошельком и улыбнулась, — а вот от вашей помощи я бы сейчас не отказалась. Нужно молоко младенцу.- И я, замаявшись, оглянулась на коридор, ведущий в кухню, добавила: «И кое-что ещё, давайте пройдем в кабинет моего отца для дальнейшего разговора».

Рассказав гвардейцу всё, что произошло на кухне, я подытожила: «Возможно, повариха захочет нас отравить, чтобы заполучить деньги моего отца».

Молодой человек некоторое время сидел задумавшись.

— Да, люди с Двора чудес — это сброд, который пойдёт на что угодно. Видимо, ваша кухарка им хорошо задолжала, раз ей угрожают расправой. Подловить её будет сложно. Слуги у вас помимо неё ещё есть?

— Нет, к сожалению. Есть только приходящие горничная и прачка раз в неделю.

— Можно её подставить, например, оставить значительную сумму на видном месте, но для этого нужны свидетели, тогда мы сможем без проблем её арестовать. Это самый безобидный выход из ситуации. Конечно, есть ещё один, самый быстрый и верный, но он вам навряд ли понравится.

— И какой же? Нам надо рассмотреть все варианты.

 Гвардеец провёл ладонью по горлу.

 Я ошарашенно на него посмотрела.

— Нет, на такое я пойти не смогу, брать грех на душу, да и вообще. — Я нервно сглотнула, представив на мгновение, что я стала заказчиком убийства. — Нет, и это однозначно. — твёрдо сказала я.

- Тогда остаётся только первый вариант, хотя на вашем месте второй был бы предпочтительней, быстро, и в дальнейшем вы бы избежали проблем, которые могут возникнуть после её ареста.

- Проблем?

- Конечно, суд, нужны свидетели. Месье Гюлен — уважаемый человек и достаточно известен, но правила для всех одни.

Я задумалась, публичности мне абсолютно не хотелось, хотя, если даже граф не заподозрил во мне баронессу де Сансе, то, возможно, всё и обойдётся, но всё же рисковать мне совсем не хотелось.

Мои раздумья прервала внезапно открывшаяся дверь. На пороге появился аптекарь, удивлённо уставившийся на нас.

- Жанна, что-то случилось? - встревоженным голосом спросил он меня.

Мне пришлось пересказать месье Гюлену всю историю заново. Выслушав очень внимательно, аптекарь изрёк: «Раз всё так, то чем быстрее мы от неё избавимся, тем лучше».

Аптекарь многозначительно посмотрел на гвардейца.

Я хотела было возразить, поняв смысл переглядывания мужчин, но меня прервал месье Гюлен.

— Жанна, милая, ты иди займись по хозяйству, а мы с месье всё обсудим, примем окончательное решение и потом поставим тебя в известность, — сказал ласково глядя на меня аптекарь и мягко подталкивая к выходу, выставил меня за дверь.

— Зашибись, вот это поворот, — пробурчала я возмущенно, облокотившись на закрытую дверь. — Решат они, да по ходу дела они уже всё решили. Нет, так дело не пойдёт, может, повариха и неприятная особа, но шанс должен быть у всех.

И я стремительно направилась в свою комнату, чтобы уложить ребёнка, а потом всё же попробовать переговорить с кухаркой, надо постараться найти другой выход из создавшейся ситуации. Два варианта, предложенных гвардейцем, меня абсолютно не устраивали.

Я тихо подошла к кухне, прислушиваясь, заглянула в щель неплотно прикрытой двери.

Повариха сидела за столом, обхватив голову руками, и покачивалась из стороны в сторону. На столе стояла початая бутылка вина и кружка. Я прошмыгнула внутрь и села за стол напротив женщины. Кухарка продолжала монотонно рассказываться, не обращая на меня никакого внимания.

— Давайте поговорим, возможно, я смогу вам помочь, — обратилась я к ней как можно дружелюбней.

Женщина вздрогнула и подняла на меня покрасневшие глаза.

- А, это ты, - она махнула на меня рукой. - Белые ручки, наивные глазки, чем ты можешь мне помочь? Папенькина дочка, которая кроме иголки-то ничего тяжелей не держала, последнюю краюху хлеба на пятерых не едала. Иди отсюда, не зли меня. - Кухарка плеснула вина в кружку и залпом её осушила.

- Я сегодня случайно слышала ваш разговор с мужчиной, и он вам угрожал, - скороговоркой выпалила я.

Повариха замерла, так и не донеся пустую кружку до стола.

 — Сдашь меня гвардейцам? — спросила она осипшим голосом, не сводя с меня глаз.

 — Нет, я же сказала, хочу помочь.

— Зачем тебе это? Выгоды с меня никакой, или ты дура. — Женщина захохотала.

 — А что, людям надо помогать только тогда, когда есть выгода? — с вызовом ответила я ей.

— Тогда дура. — Подвела итог моим словам кухарка, усмехнувшись, и плеснула в кружку ещё вина, посмотрела на меня и добавила, указывая на бутылку: — Будешь?

Я отрицательно мотнула головой. Алкоголь я не любила. Утром выпитый самогон после операции нёс лишь спасительную цель для моей нервной системы, эффект временный, но целесообразный на тот момент.

— Ну как хочешь, а я выпью, — она залпом опрокинула всю кружку и, утерев рукавом рот, сказала: «Значит, хочешь мне помочь?»

Я молча кивнула.

— Твой папаша тоже обещал мне помочь и неплохо помогал всё это время, знаешь ли, как, впрочем, и я ему, у нас это было взаимно, — она мне подмигнула и, зло засмеявшись, добавила: — Пока не явилась ты, его дочурка.

Женщина смотрела на меня, и в её взгляде, затуманенном алкоголем, было столько ненависти и злобы, что я непроизвольно поёжилась.

В голове у меня пронеслась мысль, что я действительно дура, как она и говорила.

Воспитание, полученное от бабушки, основанное на любви и безграничной доброте, сильно повлияло на моё восприятие мира в будущем. Я всегда судила людей по себе, и когда сталкивалась с необоснованной агрессией в свою сторону, это всегда заставляло меня врасплох, а иногда порой просто вводило в ступор.

Вот и сейчас я сидела и, глупо моргая, уставившись на неё, старалась осмыслить поведение кухарки. Из всего сказанного выходило, что своим появлением здесь я просто-напросто спутала ей все карты. Помимо благ в виде жилья и денежного довольствия, она ещё и грела кровать месье Гюлена.

Теперь мне стало понятно поведение аптекаря, когда я заводила разговор о ней.

Брошенная и обиженная женщина — это страшная вещь. И сейчас именно я выступала существенной помехой в её далеко идущих планах.

- Идите, мадам Гюлен, к отцу, скоро буду подавать к обеду, - сказала мне повариха ехидным голосом и окинула меня кровожадным взглядом.

Несколько мгновений я смотрела на неё, понимая, что смертельный приговор мне уже вынесен, а мои знания о её проблемах только ускорили его исполнение.

- Прощайте, мадам, - я резко встала и направилась к двери. Остановилась возле порога и оглянулась. Кухарка, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди, смотрела мне вслед победоносным взглядом.

В торговом зале были посетители. Жена булочника покупала у аптекаря мазь от болей в ногах, которую я сделала специально для неё с неделю назад.

- Добрый день, моя милая, - увидев меня, женщина заулыбалась, и на её полном добродушном лице заиграли милые ямочки. - Вы не представляете, мадам Жанна, как ваша чудодейственная мазь облегчает мне жизнь. Тяжесть и боль в ногах почти ушли, я теперь и сплю спокойно, а по утрам порхаю, как бабочка, я вам так благодарна, моя дорогая, так благодарна, - протараторила радостным голосом булочница и поставила на прилавок корзину, прикрытую льняным полотенцем, от которой шёл умопомрачительный аромат све-

же испечённой выпечки.

- Это вам, моя девочка, всё свеженькое, с пылу с жару, хлебешек, сдобные булочки.

- Ну что вы, мадам, совсем не стоило, - сказала я ей, а сама сглотнула слюну, мгновенно представив горячий ароматный кофе вприкуску с булочкой, намазанной сливочным маслом.

- Что вы, что вы, берите, это от чистого сердца, от всей души, не обижайте нас своим отказом. - Булочница настойчиво подвинула корзину в мою сторону.

- Благодарю, мадам, это так мило с вашей стороны, - не став больше отнекиваться, я взяла корзину и поставила за прилавок.

Женщина облокотилась на столешницу и тихо, с любопытством спросила: «Мадам Жанна, а что там с той девушкой, всё в порядке? Больно любопытно, может, какая помощь нужна, так вы говорите, не стесняйтесь».

- Жива девушка, ребёночек у неё родился, да вот проблема, не знаю, что и делать с ними, — я также облокотилась на прилавок и тихим, доверительным голосом ответила ей.

- А что такое? — глаза у булочницы загорелись от любопытства.

- Младенца кормить надо, пока его мать поправляется, а где кормилицу взять, я даже ума не приложу. Вы же знаете, что я тут совсем недавно и никого здесь не знаю. А батюшка мужчина и в женских делах ну совсем не разбирается. — Вздыхнула притворно я и наивно заморгала ресницами.

- Господь с вами, милая, а я на что? - воскликнула женщина, всплеснув руками. - Жена нашего старшего сына с месяц назад разродилась, прелестным мальчиком, я вам скажу. Так вот молока у неё столько, что на троих младенцев хватит, давайте-ка собирайтесь, берите новорождённого и пойдёмте к нам. - сказала она мне голосом, не терпящим возражений.

- Да-да, доченька, иди с мадам Эммой, а мне надо разобраться с кое-какими делами, — аптекарь посмотрел на меня многозначительным взглядом.

Я не стала расспрашивать, с какими, поняв сразу, что разговор идёт о кухарке. Не знаю, какое решение они приняли с гвардейцем, но находиться в этот момент в аптеке мне совершенно не хотелось. Я согласно кивнула и побежала в свою комнату за малышом.

Булочная находилась в конце нашей улицы и занимала каменное двухэтажное здание с вывеской в виде большого кренделя над входом. На первом этаже была пекарня, а на втором — жилые помещения, где, собственно, и проживала многочисленная и весёлая семья булочника.

Внутри царила атмосфера, пропитанная запахом ванили, тепла и радушия. Все члены семьи мадам Эммы были похожи друг на друга: пухленькие, румяные, с головы до ног благоухающие свежей выпечкой.

Меня мгновенно окружил вихрь из домочадцев булочницы, и не успела я опомниться, как уже сидела за обеденным столом на самом почётном месте рядом с хозяевами. Стол

ломился от всевозможных блюд, фаворитами которых, конечно же, были пироги с разнообразной начинкой. Младенец был накормлен и уложен спать в детской, о чём оповестила невестка мадам Эммы, присоединившись к нам через некоторое время.

— Мадам Жанна, не считите за наглость, можно вас попросить после трапезы посмотреть моего сыночка, второй день бесконечно плачет, что мы только не испробовали, а он плачет и плачет, да и грудь тоже стал брать плохо, — обеспокоенным голосом спросила меня молодая женщина.

Я улыбнулась и согласно кивнула, не ответив, так как усердно старалась переживать бесподобный пирог с капустой. Эмма, довольная моим аппетитом, всё подкладывала и подкладывала мне самые лучшие кусочки.

— Ешьте, милая, ешьте, вон вы у нас какая худенькая, это и понятно, столько горюшка на вашу светлую головушку свалилось, — сказала булочница и, горестно вздохнув, подложила мне на тарелку очередной кусочек ароматной ветчины. — А с вашей поварихой то небожно-то и бока наешь. Наипротивнейшая особа, я вам скажу, сколько я месье аптекарю говорила: избавьтесь, а то беды от неё не оберётесь. — Замолчав на мгновение и окинув стол взглядом, она, наклонившись ко мне, прошептала: — Вы знаете, милая, а она ведь дружбу водит с хозяйкой борделя. Сама лично видела, как она к ней заходит. А ещё та девушка, которую вы спасли, она совсем не из её девочек, это я вам точно говорю, — и

она посмотрела на меня многозначительным взглядом.

— Томми, сынок, расскажи-ка мадам Гюлен, что ты видел вчера утром, когда носил хлеб в увеселительный дом, — сказала мадам Эмма, с обожанием глядя на упитанного паренька, сидящего напротив.

Мальчишка с готовностью кивнул. «Ну я вчера утром, как обычно, значит, занёс хлеб-то через чёрный ход, и пока управляющий со мной рассчитывался, гляжу, какой-то месье в богатых одеждах несёт ту девушку на руках, то ли спящую, то ли ещё что, и прямо в кабинет мадам. А мадам-то и говорит, мол, мало денег-то, надобно бы ещё накинуть за хлопоты». За столом все замолчали и выжидающе уставились на меня.

- Томми, а ты точно уверен, что это была именно та девушка, что попала сегодня под копыта лошади гвардейца? - спросила я мальчика.

- Точно, точно, госпожа Жанна, не сомневайтесь. - сказал паренёк и горделиво окинул взглядом сидящую за столом притихшую родню.

Неожиданно голос подал глава семейства, до этого момента никак не проявлявший себя ранее в разговоре за столом. - Я тут намерен у мельника муку закупал, так он говаривал, что их местный кюре дочь свою пропавшую ищет, может, это она и есть, дочь-то того кюре, - сказал пекарь как бы между прочим, продолжая безэмоционально и дальше принимать пищу.

За столом повисла пауза.

- Мадам Жанна, так и правда, может, это она и есть, - сказала булочница, вопросительно на меня посмотрев.

- Не знаю, что и сказать, всё, что я успела от неё узнать, так только то, как её зовут, - я пожала плечами. - Будем надеяться на её скорейшее выздоровление, тогда, возможно, мы всё и узнаем.

- Да-да, бедная девочка, знаете, мадам Жанна, а оставляйте пока малышку у нас, пока вы её маму подлечите, а нам совсем это не в тягость, мы только рады вам помочь, - сказала мадам Эмма, по-отечески пожав мою руку.

Я возликовала, не могла же я признаться, что опыта с младенцами у меня полный ноль. Как бы там ни было, но надо признать, что я с огромным облегчением готова скинуть с себя эту ответственность, неожиданно свалившуюся на меня сегодня в лице новорождённого.

 — О, я вам так благодарна, так благодарна! — воскликнула я, энергично в ответ пожимая руку булочницы.

— Ну что вы, дорогая, не стоит благодарности. Мы же соседи, и ваш отец не раз выручал нас. Мы добро помним, — сказала мадам Эмма, довольная моей реакцией на её предложение.

Закончив обед в дружелюбной обстановке, я осмотрела месячного внука мадам Эммы. У ребёнка оказались младенческие колики. Сделав лёгкий массаж животика малыша, порекомендовала попоить его укропной водичкой и исключить

на время из рациона мамы молочные продукты.

Поболтав ещё некоторое время о том о сём и пообещав сегодня вечером к ним заглянуть, я, наконец, распрощалась с гостеприимным семейством пекаря и довольная вышла на улицу. Огляделась.

Сразу же возвращаться в аптеку мне совершенно не хотелось, что меня там ждало — неизвестно, и я, немного подумав, решила пройтись по многочисленным лавочкам.

Подождав, когда проедет очередная карета, я было уже сделала шаг, чтобы перейти на другую сторону улицы, как вдруг кто-то крепко схватил меня сзади. От неожиданности и испуга я завизжала, но огромная лапища мгновенно зажала мой рот, заглушая мои крики, и меня, бьющуюся в страхе, потащили в проулок, находящийся прямо за моей спиной.

— Клэр, детка, если ты обещаешь не кричать, то большой Луи тебя сейчас же отпустит, — раздался мужской голос откуда-то снизу.

Я замерла, лихорадочно прокручивая в голове сказанное, и, абсолютно не понимая, что происходит, всё же согласно замычала, кивая головой. Хватка неожиданно ослабла, и я, потеряв равновесие, рухнула на землю.

- А ты и в правду сильно изменилась, я было сначала не поверил толстухе Корно. Я подняла голову и уперлась взглядом в лицо улыбающегося карлика, стоящего напротив меня.

- Вы меня явно с кем-то перепутали, месье, — заикаясь, сказала я и обернулась назад, окинув взглядом огромного

детину, который буквально мгновение назад держал меня в своих крепких объятьях.

Я медленно поднялась с колен, стараясь не делать резких движений, сказав: «Меня зовут Жанна Гюлен, я дочь аптекаря Гюлена».

Карлик громко засмеялся и вкрадчивым голосом сказал: «Ты, конечно, всегда была самая лучшая и любимая у нашего папаши, но водить своих близких за нос столько времени — это как-то не очень хорошо, ты не находишь, крошка Клэр?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.